

18+

Дмитрий Мечников

ВЕЛЛЕР-КВАРТЕТ

Повести и рассказы

Дмитрий Мечников

Веллер-квартет.
Повести и рассказы

«Издательские решения»

Мечников Д. В.

Веллер-квартет. Повести и рассказы / Д. В. Мечников —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-519539-5

В больницу города Z нагрянул с проверкой облеченный властью Реформатор от медицины Свинцов, который изобрел и внедрил программу, которая заставляет врачей мыслить строго по программе, не иначе. Цель программы — уменьшение расходов на медицину при большей интенсивности и скорости работы. Будучи больным, Свинцов приказывает лечить себя по изобретенной им программе. Результат читатель узнает в конце повести. Чисто медицинская ситуация не выдумана и опубликована в «Руководстве по гематологии», 1985.

ISBN 978-5-00-519539-5

© Мечников Д. В.
© Издательские решения

Содержание

Веллер-квартет	6
I	6
II	10
III	14
IV	18
V	22
VI	26
VII	29
VIII	33
IX	37
X	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Веллер-квартет

Повести и рассказы

Дмитрий Валерьевич Мечников

© Дмитрий Валерьевич Мечников, 2020

ISBN 978-5-0051-9539-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Веллер-квартет

I

Утро тридцатого декабря две тысячи N-го года в уездном городе Z только занималось где-то на востоке сухими, пронизанными морозным безмолвием лучами, которые освещали верхушки сосен розовато-голубоватым цветом. Солнце ещё не взошло, и лучи, свободно преломляясь в атмосфере, находили красоту, не будучи подавленными прямою сверкающего небесного начальника. Сосны, признанные ответственными лицами пока благонадёжными, в связи с чем уцелели после вырубки и распродажи, в нынешнем году ещё могли окружать город. Их ветви играли радостными, неповторимыми оттенками снежинок, которые, по-зимнему переливаясь, сбивались в плотный, но лёгкий покров, производивший поэтическое впечатление. На земле этот покров, на ощупь казавшийся более плотным и густым, скрывал от праздного взора разбросанные в беспорядке пни, оставшиеся от уже вырубленных неблагонадёжных сосен. Устремляющиеся ввысь деревья соблюдали стойку «смирно» с таким старанием, будто предчувствовали, что отклонись они хоть на чуть от мёртвой вертикали строительного отвеса, и переведут их в неблагонадёжные, и украсится оголившаяся земля новыми пнями.

В сухом неподвижном воздухе то здесь, то там раздавалось тихое, ласкающее слух таинственное потрескивание, наводящее на мысль об изрядном морозе. Окна в расположенной здесь же больнице, до асфиксии забранные в непроницаемые стеклопакеты, делали мороз совершенно бессильным изобразить на них хотя бы самые простые, радующие глаз узоры, которые в детстве позволяли дышать в них отверстие, а окружающий мир тотчас превращался в сказку. Зато, имея представление, что «палка о двух концах», можно взглянуть на стеклопакеты изнутри душных палат. И предстанет пред нами героическая борьба уцелевших от увольнения санитарок с распространяющимися из потайных уголков зеленоватыми узорами подлой, любящей смрадную влажность плесени. Словом, зарождающееся утро – лучшее время появления всего неоднозначного, сомнительного и таинственного.

И если на мгновение представить, что в палату к Вениамину Николаевичу Свинцову, дипломированному юристу и одновременно ведущему российскому реформатору от медицины, находящемуся на лечении в больнице провинциального города Z, пришёл бы наивный субъект и сказал, что это его последнее утро, Свинцов, скорее всего, усмехнулся бы той плотоядной чиновничьей усмешкой, уловив которую этот некто убежал бы в ужасе, сражённый смесью снисходительности, превосходства и наглой готовности отомстить за непонятое. И был бы совершенно прав, ибо если в ваших словах высокое начальство не приметит возможности для извлечения собственной выгоды, то вышеупомянутая усмешка есть минимальное наказание из возможных.

Да и чего ему, Свинцову, серьёзно опасаться за здоровье, когда он с детства отличался отменным самочувствием, был спортивно сложен, своевременно привит от заразных напастей, избежал тяжёлых травм и имел прекрасную наследственность в смысле долгожительства. Единственное, чем ему довелось переболеть, была острая язва желудка, вызванная пережитым стрессом и уже забытая за давностью лет. В силу нынешнего положения к его услугам была самая продвинутая медицина, готовая прийти на помощь не только самоотверженно и мгновенно, но даже и без перерыва на обед.

Кроме того, с годами у него выработалось бессознательное понимание душевного настроения собеседника. Что оказалось очень полезно для карьерного роста и повышало не только самооценку, но и непотопляемость. Этому пониманию он нашёл одно весьма остроумное применение – направил на исследование возросшей в последние годы душевной переменчивости меди-

цинских работников, благодаря чему он научился чувствовать все колебания в умонастроениях врачей и медсестёр. На практике это выглядело весьма просто. Он дружески объявлял доктору о новом пилотном проекте, отслеживал изменения в выражении лица, и становилось ясно, убежит или нет. А самооценка повышается независимо от исхода эксперимента.

– Я их чую всеми своими концами! – провозглашал он, не зная, какими ещё словами выразить свою удовлетворённость от избытка воодушевления. – Держу всё под контролем! – самодовольно добавлял он, уже имея в виду свои достижения в области исследования интенсивности шевеления мозговых извилин у организаторов здравоохранения. Причём не всех извилин, а именно тех, что за повышение собственного благосостояния ответственны.

Да и в больницу города Z нагрязнул он не столько для лечения какой-то невесты откуда появившейся анемии, сколько проверить освоение врачами компьютерной программы «Оптимизатор медицинского мышления», созданной под его руководством и призванной улучшить эффективность мыслительного процесса российских докторов. Дело в том, что с некоторого времени Свинцов, руководствуясь по преимуществу поговоркой «одна баба сказала» в исполнении представителей электората, стал испытывать изрядные сомнения в мыслительной способности российских эскулапов, а в общении с докторами в отдельных случаях стал ощущать и подленькое молчаливое лукавство. И, наконец, перенесённое собственное горе, произошедшее, как подсказывала ему идея фикс, по вине медицины, стало последней каплей и побудило к изобретению «Оптимизатора».

– Ручаюсь, это выправит наконец врачам мозги! Они научатся думать правильными, предписанными «Оптимизатором» мыслями и общаться с большим количеством больных за единицу времени, скорее и вернее ставить диагнозы и, следовательно, лечить при существенной экономии фонда заработных плат! – с напористостью тяжёлого танка убеждал он в высоких сферах. И однажды преуспел, убедил и получил высочайшее одобрение.

– Вылечишь меня в пять-семь дней, край в десять, да параллельно представишь данные, как твои работники освоили «Оптимизатор». Это во-первых, – сразу по приезде в больницу вправлял он главврачу, гуттаперчевость позвоночника которого находилась в противоречии с изрядным брюшком и не позволяла ему принять форму правильного вопросительного знака.

– Во-вторых, проведёшь собрание с принятием зачёта у объектов медицинских реформ – ОМРов. Так я обозначил новую правовую сущность врачей. Не возражаешь? Тогда ты, следовательно, главОМРом будешь! Ха-ха. Согласен? Чё уставился? – весело и с некоторой издёвкой в голосе пробасил Вениамин Николаевич.

Главврач, только что переименованный великим реформатом в главОМРа, чувствовал себя Бобиком, которого по чьему-то капризу стали называть Шавкой. Но в силу привычки к осторожности в общении с высоким начальством и не зная, куда клонится мысль Вениамина Николаевича, с ответом не спешил.

– Пузо подбери! Привыкай! – продолжал покровительственно басить Свинцов.

Призыв к привыканию тоже не вносил ясности в намерения Свинцова, а потому главОМР продолжал молчать, не замечая в голосе собеседника появившихся резковатых оттенков.

– И пусть хотя бы один из них не выучит *обязательный* перечень необходимых и дополнительных мыслей, которые ОМР обязан озвучить при получении информации от клиента-правообладателя, то есть больного или пациента. Вот ведь как унижали людей во времена недоделанной советской медицины! Что с этим ОМРом и с тобой будет не будет, сам знаешь, да? Молодец! К твоему сведению, у меня все главОМРы – законченные молодцы и хорошо с руки кушают! А почему? А потому, что я очень чётко и ясно умею формулировать задачу и сроки исполнения! Но это лирика.

– В-третьих, мысли по поводу клиента-правообладателя ОМР должен озвучивать с оптимальной предписанной скоростью – *не менее, но и не более трех мыслей в минуту, одной основной и двух вспомогательных*. Усёк, как я всё это замесил? Иметь меньшую или большую ско-

рость между озвученными мыслями недопустимо, так как ты должен понимать о том, что ведь имеет место быть это нарушение эффективного времени рабочего контакта в обмене и освоения приходящей информации от клиента с непрерывным озвучением следующих правильных мыслительных вопросов. Понял?

ГлавОМР чувствовал, что под действием услышанной речевой конструкции голова его наполняется мутной тупостью, и счёл за благо продолжать молча и почтительно внимать великому человеку, не замечая, как великий реформатор меняется в лице, что предвещало у Свинцова начинающуюся бурю.

– Да ты чё, тупой, врос в пол и не шевелишься? Мою последнюю электронку не читал? Чё, всё время где-то ковырял? Где была твоя секретарша, когда тебе весь «Оптимизатор» по интернету отправили? В твоём кабинете диван после всего хорошего облизывала? Установили твои айтишники программу «Оптимизатор медицинского мышления» на компьютеры ОМРа? Нет? – зарычал вдруг Свинцов, заметив всё более тупеющее по ходу разговора лицо главОМРа, который всем своим нутром почуял пагубность дальнейшего молчания.

– П-почему, всё п-получили, всех ознак-комили, под росп-пись, айтишники п-программу «Оптимизатор» сегодня уже вот-вот установят, – лепетал внезапно вкусивший резкой перемены начальственного настроения главОМР, звонком вызывая секретаршу. И тотчас в кабинет свободной, от бедра походкой вошла некто – квадратноликая, источающая запах пригорно-терпких духов, смотрящая на Свинцова из-под опущенных, вызывающе нарощенных ресниц наглым, оценивающим взглядом профессионалки.

– Вот, покажите господину С-свинцову р-расписки наших врачей, ОМР-р-ров, ОМР-ров, извините! – спохватился главОМР и удивился сухой трепещущей бумажности собственного голоса, имевшего в спокойном состоянии тембр уверенный и мелодичный.

– Да ладно, верю, расслабься! – жестом фюрера Свинцов ободряюще потрепал по лоснящейся и дрожащей щеке главОМРа. При этом он поймал на себе заинтересованный, загадочный и чуть жеманный взгляд квадратноликой секретарши и верно прочувствовал её способность своевременно менять предпочтения при изменении ролевой ситуации.

– Значит так, – продолжало высокое начальство, – сейчас соберёшь всех ОМРов. Ну и подберёшь из них наиболее подготовленного по «Оптимизатору». Пусть, так сказать, в режиме реального времени, коллегиально, типа *совмысленно* (ну реально отпадный термин – сам придумал!) осмотрит меня. Типа жалобы и анамнез соберёт, назначит, чем полечить, ну, там, и анализы, какие предписано. Я вам на себе покажу, как мой «Оптимизатор» сделает революцию в ваших мозгах! На первый раз разрешаю распечатать теоретическую часть на бумажном носителе. Там есть специальное приложение. Вот и проэкзаменуем ОМРов! У тебя компьютерный томограф уже освоен или ещё есть? – ёрнически усмехаясь, продолжал Свинцов, при этом платиновая печатка на его пальце сверкнула холодным предупреждающим бликом. Потом отчего-то потемнел лицом и неуверенно продолжил: – Так пусть пропустит меня и через томограф. Понимаешь, что-то слабость у меня появилась не так давно. Проезжал с проверкой соседнюю больницу... сдал кровь... вот результат, «анемия» говорят.

Он выложил на стол главОМРа исписанный цифрами бланк анализа, чувствуя растущее замешательство от непривычности ощущения себя как больного.

– Мне предложили вернуться в Белокаменную, да я решил, вот, типа проверить, как вы тут всё типа освоили... да попутно и подлечиться. Ты готов на благо Родины меня лечить? – уже прежним снисходительно-наглым тоном спросил он.

– Готов, – механически ответил ошарашенный неожиданным начальственным требованием главОМР.

– Так размещай меня в индивидуальной палате и лечи!

«Сказать или не говорить ему, что наш город Z довольные медицинским обслуживанием жители последние годы всё чаще называют „Город Зеро“? Или что некоторые анализы надо

везти согласно последнему приказу за двести километров в облцентр? Да и с оснащённостью современным оборудованием дело обстоит швах, и финансирование хотя и хорошее, а хромает. И кадров не хватает. По столицам разбежались со злобой в душе. Как будто я им не платил, сколько считал нужным. Поликлиника занята всевозможными дополнительными диспансеризациями, а население, напуганное обилием диспансеризационных телодвижений на фоне растущей смертности, лечится само, по интернету. Ну, дали им возможность по любому поводу искать виноватых среди медперсонала и наезжать на них, но спокойней в плане уверенности в завтрашнем дне никому не стало. Вот и выходит, что безопасней для Свинцова обследоваться и лечиться у себя в столице», – пронеслись в голове главОМРа постылые, напоминающие о давно преодоленной человечности мысли, и он, не сводя преданных глаз с высокого начальства и принимая свою обычную осанку, утвердительно кивнул.

– Понял, будет тотчас исполнено! – отозвался он с готовностью, вызывая своего заместителя по лечебной части, и распорядился разместить высокого гостя в специально отведённой палате для особых пациентов терапевтического отделения.

II

Палата для особо важных персон, в которой разместили великого реформатора, представляла собой квадратную небольшую комнату, рассчитанную на одного клиента. Довольно высокий потолок украшала позолоченная люстра с цепочками и стеклянными подвесками разнообразной формы. Светло-бежевые портьеры с абстрактными салатного цвета рисунками придавали проходящему сквозь всё пространство свету уютный неброский колорит.

Отделавшись от сопровождавшей его свиты, Свинцов прошёл на середину палаты и огляделся, но существенных недостатков не нашёл. Мягкий линолеум неброского коричневого оттенка, к удивлению Вениамина Николаевича, не имел дыр от мебельных ножек. Новая прикроватная тумбочка была его любимого цвета и размера, небольшой полированный стол цвета вишнёвого дерева, застеленный голубоватой клеёнкой с нарисованными всевозможными комбинациями фруктов, был даже не исцарапан! Довольно вместительный холодильник работал почти бесшумно и не мешал думать. Телевизор был староват и благодаря дешёвой «коробочке» принимал только двадцать каналов. Но, во-первых, «не всегда же здесь жить», – подумал Свинцов, во-вторых, не особо жаловал он телевизоры, ибо новости знал и без них, а фильмы смотреть себе же во вред – одна гнусная реклама и сопливые похотливо-бытовые сериалы чего стоят! Затем Свинцов самодовольно крякнул и растянулся на удобной полуторной кровати.

Его взгляд, скользивший по покрытым едва заметным голубым колером стенам, наконец остановился на предмете, к которому знаменитый модернизатор испытывал особое расположение – радиоприёмник. Классная штука – увлечение юности, – вызывавшая душевный подъём ещё с тех времён, когда сверстники и окружающие, не подозревая в нем самого Вениамина Николаевича Свинцова – великого медицинского реформатора России, удовлетворялись в общении с ним заурядным прозвищем «Венька-Свин».

Бывший «Венька-Свин» повернул ручку приёмника, и палата наполнилась звуками знакомого, но пока не узнанного им танго. Он поднапряг память и постепенно выстроил весь аудиовизуальный ряд седьмой серии мультфильма «Ну, погоди!». Ну да, именно там на корабле Заяц, танцует с Волком это самое танго, подло и заискивающе глядел в глаза и выбирал момент, чтобы наступить на край штанины великолепных матросских брюк и оторвать её по колено, чтоб лохмотья висели. А потом смотрел извиняющимся взглядом невинного младенца. Вроде: «Не знаю, как такое могло произойти...» Вот и Свинцову на пути к карьерным вершинам всё время попадались подобные типы, норовящие прикинуться своими, потом тихо нагадить, а то и подсидеть. Правда, за «штанины» они потом горько раскаивались и тоже пытались отделаться невинным взглядом, который вяз, тонул и задыхался в тяжёлых серых глазах возмужавшего «Веньки-Свина».

Затем приболевшее начальство повернуло ручку частот ещё дальше и тут же испытало разочарование, так как из приёмника донёсся вокал маститого эстрадного певца ещё советского разлива: «Куколка, куколка, весь я твой...» «Надо же, известный человек, знаменитый певец, и такое пренебрежение и нетребовательность к тексту, – подумал Свинцов. – Один куплет написан от имени женщины, второй от имени мужчины, причём, как следует из третьего куплета, этот мужчина придёт под утро к возлюбленной утомлённый и хмельной! Кто так сморил бедолагу перед свиданием с девушкой? И на какой ляд сдался он девушке в таком состоянии? А Пушкину такие рифмы вообще не пришли бы в голову даже в состоянии тяжёлого похмелья!» – пронеслось в голове Свинцова. И тут же накатила какая-то отъявленно тоскливая и глухая злость, так как текст этой песни напомнил ему, когда и по какой причине он твёрдо решил реформировать медицину. Не производство лекарств, не возрастание доли инженерных достижений в оперативных техниках, а сам процесс медицинского мышления врачей.

Это произошло в тот ужасный день, когда в кресле стоматолога во время обезболивания лидокаином операции по удалению зуба скончалась от анафилактического шока, вызванного лидокаином, его жена. «Моя Куколка», как он называл её в некие особенные минуты. Всё произошедшее Свинцов видел собственными глазами. И как стоматолог спрашивал, все ли лекарства она переносит, не было ли на введение лекарств крапивницы, удушья или шока, и получил на все вопросы отрицательные ответы. Затем доктор одобрительно хмыкнул и стал вводить лидокаин. Но не прошло и трёх минут, как пациентка побледнела, покрылась бисеринками холодного пота. «Мне плохо, спа...» – и, не договорив, стала недвижимой. Резчайший переход от спокойствия к совершившемуся ужасу поверг Свинцова в оцепенение. Восприятие происходящего разбилось на фрагменты. Он не сразу осознал всю необратимую трагичность произошедшего, и словно через дымку перед его взором стоматолог с помощью медсестры, быстро переложив тело на кушетку, вскрыли противошоковую укладку и стали оказывать экстренную помощь, детали которой Вениамин Николаевич в силу расстройства чувств не видел, а ввиду отсутствия медицинского образования и не понимал. Прошло около получаса, а может, и больше.

– Соболезную, мы сделали всё, что смогли, – сочувственно сказал вспотевший от волнения и выполненного непрямого массажа сердца стоматолог и закурил в жестокий затяг.

– Да, да. Я понимаю, – отсутствующим голосом пробормотал Свинцов.

– Уморили, видать, твою бабу-то молодую, – в следующем фрагменте сознания перед глазами Свинцова возникло странное и морщинистое женское лицо. Её манера немного наклонять голову вперёд и смотреть на говорящего собеседника прямо, но чуть ниже глаз, поселила в голове Вениамина Николаевича твёрдую уверенность, что она обладает какой-то потайной и жуткой мудростью и, не дай бог, посмотрит в глаза прямо. Похолодевшая спина несчастного мужа, а точнее, вдовца покрылась мурашками.

– Просто удалить зуб хотели, – пролепетал Свинцов, оглядывая коридор поликлиники и провожая взглядом уносимые санитарями носилки.

– Хотели, вспотели, да на носилках унесли, – старуха всё-таки посмотрела Свинцову прямо в глаза, после чего он в ужасе ретировался. А ведьма тем временем пробралась в кабинет того самого злосчастного стоматолога и громко осведомилась:

– Можно зайти, доктор? Примете-то, что ль?

– Подождите минут пять, и доктор примет, – ответила медсестра, не оборачиваясь на вошедшую.

– Так и будете молчать? Ну и порядки! – продолжала атаку ведьма. Медсестра обернулась к ней, узнала и укоризненно сказала:

– Ефросинья Кондратьевна! Ну, сколько ещё вы будете ходить без слухового аппарата? Ведь глухая же на оба уха!

В течение нескольких недель Свинцов побеседовал с доброй дюжиной самых разных знакомых врачей, которых называл друзьями. Врачи охотно беседовали с ним, искренне сочувствуя горю новоиспечённого вдовца. Общее мнение их сводилось к тому, что произошедшее было непредотвратимым, стоматолог не виноват, аллергологический анамнез собрал вполне нормально и в сложившейся ситуации сделал всё, что мог.

– «Уморили бабу твою молодую», почему так сказала старая ведьма в поликлинике? – мучился упорно засевающим в голове вопросом Свинцов.

– Да черт её знает, может, от балды, может, пьяная или в маразме, а может, глухая, – резонно возразил знакомый хирург.

– Так я ей говорил, что удалить зуб хотели. А она отвечала, что хотели, вспотели и унесли на носилках, ответила по теме, перегаром не воняло. Это пьяный маразм? А как в глаза посмотрела, я аж похолодел!

– Да глухая она, по губам прочла «хотели», носилки и потного врача видела, – пробовал рационально объяснить психиатр. Свинцов с сомнением покачал головой, и участники беседы разошлись по своим делам.

Время шло, а в голове Свинцова не переставая прокручивался фильм-трагедия произошедшего. Но кроме фильма у Вениамина Николаевича внезапно возникали вспышки памяти, рисовавшие перед его внутренним взором то обмякшее в стоматологическом кресле тело жены, то увозимые санитарями носилки, то наводящее ужас сморщенное лицо старухи и её пробивающий голову голос: «Убили бабу молодую! Хотели, вспотели и на носилках унесли!». Вспышки эти, повторяясь всё чаще, сужали возможности логического объяснения и не давали ответа на мучивший его вопрос: «Почему так произошло?». Не помогла даже абсолютно достоверная информация, что слова старой женщины объяснялись её бестактностью, глухотой, умением читать по губам, а также случайным стечением обстоятельств. Встречи со знакомыми врачами постепенно прекратились за ненадобностью, ибо, с одной стороны, почтенные эскулапы свои аргументы истощили. С другой стороны, в беседах с ними Свинцов всё чаще интересовался случаями неудачного лечения или недовольства пациентов их работой. Будучи крепок и дерзок задним умом, он начал явно совать нос в область диагностики и лечения, в которых ничего не смыслил, так как медицинского образования не имел. Время шло, и это сование носа становилось всё назойливее. И в один прекрасный день бывшие друзья-врачи единодушно решили, что не следует ждать, пока у Свинцова крепость и смелость заднего ума перейдут в отвагу, и подобру-поздорову общение с ним лучше прекратить. При невозможности уклониться от разговора ограничиваться согласным киванием головы и сочувственными междометиями.

Наконец в один из дней на Свинцова снизошло озарение: «Стоматолог недостаточно спрашивал о непереносимости! Надо было по-другому, качественнее спрашивать. А может, он не те вопросы задавал? Вроде и много вопросов задал, а доверившуюся его профессионализму Куколку в могилу свёл, гад!», – засела в мозгу неистребимая мысль, которая день ото дня набирала силу и гнала не только его, уже имевшего тогда некоторый административный ресурс, по набравшим высоту инстанциям, но и отправила в места не столь отдалённые несчастного стоматолога, не только не обладавшего никаким административным ресурсом, но и правильно оказавшего противошоковую помощь.

Да что там стоматолога! На суде эксперт заикнулся было о том, что специальных вопросов, позволяющих предсказать именно у данной больной высокий риск анафилактической гибели, вообще не существует.

– Так надо, чтоб существовали, а то этот горе-врач задавал НЕ ТЕ вопросы, – глухо прорычал в ответ Свин-истец, надавил ресурсом, и больше об этом эксперте не было ни слуху, ни духу. И чем больше, беседуя с другими врачами, он убеждался в невинности несчастного стоматолога, тем большим монстром тот казался в его глазах.

«НЕ ТЕ вопросы задавал, под грамотного МАСКИРОВАЛСЯ!!! ВСЕ врачи ЗАДАЮТ НЕ ТЕ ВОПРОСЫ!! Так они же сколько ещё уморят? Они у меня попляшут! Я научу их, какие правильные диагностические мысли они должны иметь в своих чугунных головах! Да, „Оптимизатор“... надо создать компьютерную программу по оптимизации врачебных диагностических мыслей... Да почему „врачебных“? Какие они после всего этого врачи? Ведь что от них требуется? Мыслить, как будет предписано стандартами „Оптимизатора“... А они задают не те вопросы и убивают... Врачи и убийцы – суть одно и то же! Даже если бы Куколку удалось вернуть к жизни, то это привело бы к расходу дополнительных лекарств, необходимости пребывания в лечебном учреждении и прочему, то есть к лишней растрате финансов. А этого можно было избежать, правильно задав нужные вопросы. Поэтому они не врачи, а... дьявольщина, нет для них названия... ничего не приходит в голову», – метался тогда мыслью

беспокойной без пяти минут реформатор и уже заработал изрядную боль в затылке и подступающую дурноту.

Артериальное давление скакнуло к отметке 200 мм рт. ст., хотя раньше ничего подобного он за собой не замечал. Вениамин Николаевич взял под язык и совершенно растворил таблетку коринфара (от Куколки осталась – слезливо свербело в мозгу). «Хорошо, пришла мне среди горя и слёз гениальная мысль! Для начала я их переименую. Врачи будут называться „объекты медицинских реформ“, сокращённо ОМР. Какие реформы будем проводить, так их и нагнём!» – отпустило затылок, и дурнота начала постепенно покидать будущего великого человека. «А пациенты будут называться „клиентами-правообладателями“, чтобы могли по первому сомнению потребовать ответа и указать, из какой известной субстанции сделаны эти ОМРы». Свинцов заметно воспрянул духом, не заметив, как вызывавший буквально минуту назад душевные страдания образ замученной насмерть Куколки из мыслей постепенно улетучился. Так, в состоянии преодоления острого горя и родился замысел великой Реформы, призванной совершить революцию в диагностическом мышлении и привести к нешуточной экономии бюджетных средств при большей эффективности работы системы.

Свинцов выключил приёмник. «Что-то я увлёкся воспоминаниями, а ОМРы уж, наверное, собрались в зале и трясутся в ожидании меня мелкой дрожью. И теоретическую часть „Оптимизатора“, верно, уже отпечатали на бумажном носителе. Листки, небось, в дрожащих руках не держатся. С пола собирать приходится. Пойду посмотрю, как они освоили новый материал с помощью, как они говорят, „тремора“ – кажется, выговорил, уф!» Вениамин Николаевич поднялся с удобной кровати и вальяжной походкой вышел из палаты.

III

Душно натопленный актовый зал представлял собой странную смесь прогрессивного оборудования с выдавшими виды скрипящими деревянными креслами с процарапанными спинками, где явно не хватало только нецензурных надписей. Как-никак интеллигенция работает. В зале собралось до дюжины ОМРов, до реформы именовавшихся участковыми врачами, врачами общей практики, педиатрами, и единичные представители других специальностей. На их лицах внимательный наблюдатель без труда разглядел бы то ли приближение конца света, то ли ожидание буквально сию минуту грубого насилия с элементами садомазохизма.

«В лучшем случае вышвырнут за долгие годы безупречной службы», – проносились то здесь, то там полузадушенные тоскливые шепотки «счастливец», ознакомленных буквально два часа назад с изобретением великого реформатора. Впрочем, наглые ухмылки, временами проскакивающие на отдельных лицах, несомненно указывали на наличие фиги в кармане по поводу прочитанного. Если по правде, то замешательство у почтенных «гиппократовых» потомков произошло в силу причудливого смешения собственного интеллекта с мыслями, предписанными «Оптимизатором». Иные «стахановцы» попробовали даже думать по-оптимизаторски, но непослушные мысли, порождённые медицинским институтом, интуицией да и просто здравым смыслом, не хотели уходить под давлением свинцовской интеллектуальной продукции.

– Что, ждёте не дождётеся? И не скучаете, – самодовольно пробасил Свинцов, усаживаясь в центре президиума, представленного больничной административной верхушкой. – Прошло каких-нибудь полтора часа, пока меня в вашу платную палату помещали, и я уже тут. Как там у Достоевского: «Пришёл, увидел, наказал!» – да? «Преступление и наказание» читали? Пришёл, значит, увидел, что за дела воротит старуха-процентщица, да и наказал, типа разобрался. Слышали про того, кто брал два процента за подпись? Это уже нахальство. Так эта старуха-процентщица три процента брала. «За один процент надо работать на твоей должности, рукозагрёбщица, за один процент», – разобрался киллер-Раскольников и расколол ей топориком тыковку. Борьба с коррупцией, так-то! Ну, это я так, тонко литературно пошутил. Представляться, я надеюсь, не надо, меня и так все знают, и я о вас всё знаю. Не читали роман-то? – вернулся Свинцов к бессмертному произведению великого русского классика.

Актовый зал замер в тревожной тишине.

– Плохо! Надо изучать нашу литературу, в работе может пригодиться, – он сделал многозначительную паузу, затем цепко, словно в прицел, оглядел зал и продолжил: – «Оптимизатор» изучили? Нет? Можно не стесняться. Так и говорите, что не изучили. Я от вашей братии другого и не ждал. Не первую ведь больницу проверяю на предмет изучения «Оптимизатора». Вот сейчас кто-нибудь из вас, пользуясь «Оптимизатором», обслужит меня как больного. Что за бумажку вы мне под нос суёте? – презрительно выпятив нижнюю губу, спросил Свинцов, когда из зала в президиум передали фрагмент бумажного носителя не первой свежести, исписанный неразборчивыми фамилиями и загогулинами подписей.

– Это список присутствующих врачей, – пояснил главОМР. Он явно хотел ещё что-то сказать и уже открыл было рот, но, встретив взгляд неумолимых серых глаз Свинцова, так с открытым ртом и остался. Вениамин Николаевич рассматривал несколько секунд список, затем произнёс, издевательски ухмыляясь:

– Кто поможет мне избавиться от этой бумажки и выбросит её в мусор вместе с фамилиями врачей? Ну! Кто быстрее? Ух, как дёрнулись трое в первом и втором рядах! А чего остановились? А, понимаю! Я ведь тоже не слепой. Вижу, что члены президиума тоже на старте. А вы, стало быть, остановились из уважения! Похвально! Но вот вопрос. Здесь написано, что это фамилии врачей. Но какие же вы врачи? Зачем вам фамилии? Посмотрите на себя! Без-

ликая масса, в которой все жмутся, чтобы их не заметили, на лицах страх и озабоченность. Бойтесь смотреть друг другу в глаза, я уж не говорю о том, чтобы посмотреть в глаза мне.

И проблемка у вас у всех общая: хоть бы собрание побыстрее кончилось, чтобы бежать по своим делишкам, подальше от вопросов медицины. И вон из сердца мысли о больных да страждущих! Я письма читал, где люди жалуются, что остановить врача на улице в нерабочее время по какому-либо вопросу совершенно невозможно. Откукарекали, а там хоть и не расцветай! Это с другой стороны.

А в-третьих, вот рассядетесь по своим кабинетикам или по ординаторским, почувствуете свободу от начальства, расхрабритесь и станете важными как индюки. Больному к вам и не подступиться! А если и зайдёт кто с вопросом, так вы сразу в бутылку полезете, дескать, кто из нас врач, не отнимайте время или закройте дверь с той стороны. Мне жаловался человек, заходивший в ординаторскую одной из больниц области по поводу выписки. Разъяснил все вопросы с лечащим врачом и заведующим. Сказал спасибо. Направился к выходу из отделения. Но не успел пройти и двадцати шагов, и от удивления остановился, потому что услышал, как врачи отчитывали санитарку, что не закрыла на ключ дверь в коридор. И теперь к ним могут, дескать, войти все кому не лень! А «тихим часом», скажу я вам, ещё и не пахло! Вот так вы относитесь к больным и лечите!

Таким образом, на основании сказанного мной мы имеем следующие ваши качества: 1) страх перед начальством с элементами подхалимажа, 2) свои делишки главнее медицинских, 3) стремление избавиться от контакта с больным. А теперь сложите ваши групповые качества, которые я только что выявил, и скажите, что будет в сумме? Врач или разболтавшийся винтик системы здравоохранения? То-то и оно, что разболтавшийся винтик! А у иных, может, и резьба ещё сорвана! Значит, выбросить пора! Заменить другим. Короче, принято решение о переименовании вас, бывших врачей, в ОМРов. ОМР – это значит объект медицинских реформ. Как надо, так, стало быть, и завинтят, и подтянут. Соответственно, больной переименован в клиента-правообладателя. Кто-то что-то не понял? Хорошо, объясню по-другому.

Медицина у нас в стране – говорю для тех, кто не догоняет, – является сферой УСЛУГ. Поэтому вы должны обслужить всех как «труффальдины». Именно в этом я вижу смысл вашего существования. Обслуживать, обслуживать и обслуживать! Без этого получение вами всеми зарплаты аморально и для государства расточительно. Во всех средствах массовой информации озвучено о том, что мы сейчас боремся за увеличение продолжительности жизни сразу на многих фронтах. Это я говорю, чтобы акцентировать вашу ответственность и задать ей правильный вектор, – Свинцов помолчал, как бы нащупывая ускользнувшую было нить разговора. – Я в некотором смысле приболел. По-честному. Поэтому и поселился в терапевтическом отделении. На первый раз разрешаю считывать мысли со списка в «Оптимизаторе». В общем, обследуйте меня и положите. Вот вы, сзади сидящая у батареи, прошу в президиум, а остальные слушают и мотают на ус, – вызвал он ОМРу из последнего ряда, изо всех сил старавшуюся быть незаметной.

– А я не могу, я не р-работаю в отделении, – со страха только и смогла выдать из себя несчастная жертва выбора высокого начальства.

– Примерно так ты и с клиентами-правообладателями базарить будешь? – зло спросил Свинцов. И продолжил: – Поясняю для тупых и для дебилов. Они КЛИЕНТЫ-ПРАВООБЛАДАТЕЛИ, и им глубоко наплевать, в отделении ты работаешь или нет. Должна обслужить любого, независимо от начисленного. И с улыбкой на фейсе. Так, встала, придала юбке наиболее эффектную длину и пошла! Да не к двери, а сюда, ко мне, – и, не на шутку распаяясь, Вениамин Николаевич повернулся к ГлавОМРу: – Они чё у тебя, когда путают дверь с президиумом, все такими дёргаными становятся? – гений медицинского мышления проводил взглядом в панике исчезающий за дверью зад перепуганной ОМРы. – А остальные что как девчонки смолкли у воды? – процитировал он депрессивную песню известного барда. – Долго ещё будете

пялиться в «Оптимизатор»? – с танковой наглостью высокопоставленного чиновника продолжал пытаться оставшихся в зале ОМРов Свинцов. – Там же всё хоть не жуй, глотай. Вот вы! – нашёл Свинцов вторую жертву, ссутулившуюся от желания быть невидимкой над экземпляром «Оптимизатора». – Читайте же первый главный раздел диагностического мышления! – приказал великий реформатор.

– «Жалобы клиента-правообладателя», – донёлся робкий, дрожащий женский голос замученной ОМРы из глубины зала.

– Продолжай, не тормози! – подгонял Свинцов.

– И первый связанный с ним вопрос: «Что беспокоит и нарушает ваше состояние комфорта?», – пробормотала ОМР и, боясь поднять глаза, замолчала.

– Слава богу, наконец-то хоть одна на «Оптимизаторе» разродилась! Что-то, плохое самочувствие, слабость общая да повышенная утомляемость, вот что! – недовольно ответил выдающийся клиент-правообладатель.

В зале после этих слов повисла боязливая тишина, и только шелест лихорадочно перебираемых листков передаваемого по нетвёрдым рукам «Оптимизатора» на бумажном носителе отставлял надежду продолжающейся жизни.

– Долго ещё будете искать, как макаки друг у друга в вольере? Что дальше? – раздражался и торопил изобретатель «Оптимизатора».

– Но там, после «общая слабость», нет больше ни основных, ни дополнительных диагностических мыслей, – доложил ОМР с последнего ряда, в голове которого крутилось: «Вот из-за этого чёртового собрания накрылся мой вечерний семейный пикничок. Генка и Вовка с роднёй могут приехать зря! Свалился же придурок на нашу голову! Надо отстучать эсэмэску, чтоб не приходили».

– Умника к окулисту очки подбирать! Что, не видно сноску-звёздочку над «общая слабость»? Ну и смотри внизу листа и читай. Вслух читай!

– Ввиду отсутствия какой-либо специфичности жалобы «общая слабость» дальнейшие озвучивания мыслей по этому поводу ведут только к нецелевой трате диагностического времени, а потому отменяются, и ОМР сразу приступает к диагностическим манипуляциям, либо рассматривает остальные жалобы, – механистично прочитал ОМР.

– Вам везёт как утопленнику, потому что других жалоб у меня нет. Усвойте наконец, что суть диагностического мышления – отсечь всё лишнее, путающее и уводящее от истины. Что сидите такие кислые? Что, всё равно непонятно излагаю? Тогда так! – в голосе Свинцова появилась издёвка, и он медленнее, чем обычно, произнёс: – Вы должны быть довольны и счастливы – *вам сверху по закону предписано меньше думать!* Ведь и так каждый норовит меньше трагиться на профессиональные мысли в пользу личных! Нет? Тогда объясните внятно, вот вы, – он указал на очередную ОМРу, кабинет которой был смежным с залом. – Как связаны с диагностическим мышлением пикантные вещицы, только что найденные вашими руководителями у вас в рабочем столе? Ладно бы стоящие были, а то так, дешёвка. Кха!!! – громыхнул кашлем культурный оратор, чем поверг согрешившую мыслями-вещицами ОМРу в состояние катаlepsии, более сильной, чем та, что была у пастора Шлага в камере с уголовниками из горячо любимого всем народом фильма.

– А что делать с вопросами об эффективности ранее применявшегося лечения, если оно было? – подал голос очередной каскадёр общения с высоким начальством.

– Надеть штаны и бегать! Ещё один умник! – Вениамин Николаевич словил кайф от очередной собственной остроты и, усмехаясь, снисходительно ответил: – Задавать! Задавать, если в голове больше, чем у Винни-Пуха! Только помни, один вопрос главный и два вспомогательных. Валяй!

– Лечились ли вы самостоятельно или как клиент-правообладатель? – как бы пропустив гениальные свинцовские остроты мимо ушей, продолжал задавать вопросы ОМР-каскадёр.

– Эх, завернул, даже статус уважил. Ну, лечился самостоятельно. На дому, но по назначению врача. Дальше что? – началом беседы Свинцов, похоже, был доволен.

– Какими препаратами вы пользовались? Как долго? Был ли положительный эффект?

– Я же сказал, два вопроса вспомогательных, а ты три навалял. Ну, хрен с тобой. Лечился витаминами дома, какими – не помню и не обязан помнить, названия-то все у вас не выговариваемые. Ну, укола три-четыре сделал в мягкое место. Толку никакого, как от вас всех здесь собравшихся. Потом по совету коллег сдал анализ крови, который давеча вашему главОМРу показывал. Что? – не расслышал незапланированный вопрос Свинцов.

– Я спросил, если не знаете названия, то не запомнили ли вы цвет ампул? – пронудил, явно перегибая палку, неугомонный каскадёр. – Как по-ваше...

– Как накачал, так и смякал! Соображать надо, в какое место мне уколы делали! – взорвался очередным шедевром глава клиентов-правообладателей. – У меня что, по-твоему, ТАМ глаза? Нет, у тебя в голове всё-таки меньше, чем у Винни-Пуха! «Какими препаратами пользовались, какой цвет ампул», – какая, к чёрту, разница?! Суть, что не помогло. Вот от этой печки вторую часть Марлезонского балета и танцуйте! И потом, вы все совершенно не понимаете, какие вопросы задаёте и зачем! Превысили все допустимые временные рамки, отведённые на первичный приём! – все более накалялся бывший «Венька-Свин» и, оглядев весь зал, продолжил: – Зарубите себе, что если при следующей проверке всё будет как сегодня, всех повыгоняю с работы, от рядового до главного, заменю молодыми, энергичными, любящими «Оптимизатор»!!! – он повернулся вдруг к ГлавОМРу: – И нечего трясти у меня под носом показателями по улучшенной выявляемости, снижению смертности, охватом прививками и количеством выданных больничных листов по сравнению с прошлым годом. Знаю, как вы отчёты клепаете! Из носа ногтем зацепили, по бумажке размазали, сколько надо приписали и на потолок отправили. И за расширение себе сэкономии на новые лошадиные силы! Я не посмотрю на выполнение плана! Все вон работать и изучать новый способ медицинского мышления! И меня лечить! Чем быстрее вылечите, тем быстрее продолжите жить, как всегда!

IV

Вечерело. За начавшейся диагностической круговертью Свинцов и не заметил, как закончился его первый экспедиционно-лечебный день. Он устал и был раздражён. Сразу после окончания исторического собрания, когда стало очевидно, что ОМРы «Оптимизатором» не овладели, он распорядился приступать к диагностике в кратчайшие сроки, не теряя времени. При этом ОМР-заведующий терапевтическим отделением получил команду доложить сводный результат, выставленный диагноз и планируемые лечебные мероприятия в соответствии с «Оптимизатором».

В это же время главОМР, сидя в своём отчего-то подрагивающем кресле, страдал от малодушного ожидания уменьшения мягкости и теплоты кресла, выстраданного интригами, согревавшего многие годы самую важную его чиновничью часть. Природу этой болезни он безошибочно угадывал – начальстволюбие при внешней внезапно наступившей неопределённости собственного статуса. Ведь как там у классика: «... сегодня я лицо неофициальное, а завтра, глядишь, и официальное. А бывает и наоборот, и ой как часто бывает...». Брало раздражение, что он руководитель, а не может ни повлиять на показатели анализов высокого начальства и исход его заболевания, ни спровадить это самое начальство назад в Москву, где ответственность будет лежать уже на других. А вдруг пострадать не получится, и тогда кратким министерским приказом его тёплое, мягкое кресло превращается в жёсткий, элегантный, прохладный табурет. И дай бог, чтобы не казённый. Там никто не будет слушать об объективных трудностях и маленьких технических неувязках! Поэтому, руководимый приступом начальстволюбия, отправил он секретаршу в отделение с приказом установить в палате высокого гостя индивидуальный пост в виде круглосуточно бдеющего ОМРа – заведующего отделением, посулив отгулы и премию. Правда, насчёт обещанных отгулов у него был стандартный вопрос: «Кто за тебя работать будет? Замену себе нашёл?» Ну а обещанная премия после экономически-бухгалтерской конспирологии, несомненно, попадёт в карман... самого главОМРа, в этом-то опыта ему было не занимать!

Только с медсестрой для индивидуального поста возникла мимолётная незадача. Какая лучше: та, что является менеджером сестринского дела и готова угождать абсолютно во всём, обворожительно улыбаясь, или виртуоз медицинской манипуляции, а потому серьёзна и не улыбочива? Решил приставить обеих, а отгулы и премии оставить за первой – более достойна и нужна. А главное, *своя!*

– А ну, чтоб все необходимые анализы были взяты и сразу сделаны! И УЗИ, рентген, – вздрючивал главОМР по телефону терапевтическое отделение.

– ФГС, а больной натошак? Может понадобится колоноскопия? Ладно, поговорю со Свинцовым сам. И мне доложить сразу! Мгновенно! Пулей исполнять! Результаты мне? У тебя чё, с головой плохо? Результаты сам вызубришь наизусть и расскажешь. Мне надо предполагаемый диагноз и тактику его уточнения! И какие лекарства. Найду всё, только шустрой давай.

Он вышел из кабинета, задев плечом косяк двери, и направился суетливой, несвойственной ему ранее походкой в палату высокого начальства обсуждать деликатную часть обследования. Настроение у высокого гостя – отметил, войдя в палату, главОМР – стало миролюбивее и веселее.

– Что-то медленно шевелятся твои эскулапы, – снисходительно похлопал по плечу главОМРа Свинцов.

– Что вы, с-сию секунду, уже бегут брать анализы. Всё сделаем быстро, отвечаю! – подобоострастно выпалил главОМР и смущённо замолк.

– Что застеснялся, как на первом свидании? Говори, что хотел!

– Да я не стесняюсь, только вот некоторые, знаете ли, анализы сдать сегодня вам может оказаться не под силу, поэтому сделаем завтра, да и для ФГС... Вы, наверное, не натошак? Тоже придётся завтра...

– Запомни, мне всё под силу, – перебил на полуслове Свинцов. – А это что за топот в коридоре?

– Анализы, – неуверенно предположил главОМР. И не ошибся. В палату вошла лаборантка.

– Значит, сделаешь всё, что надо для Вениамина Николаевича, и результаты сразу чтобы были на столе у ОМРа, а потом я...

– Свободен, – безапелляционно бросил Свинцов главОМРу, и тот послушно юркнул в приоткрытую дверную щель...

После лаборантки, молниеносно уколовшей безымянный палец и поколдовавшей со стёклышками, пришла медсестра, одним неприметным движением набравшая из вены необходимое для анализов количество крови. Затем появилась обворожительно улыбающаяся менеджер сестринского дела, как гласила красовавшаяся на её груди табличка, и прорекламовала необходимость сдачи анализов мочи и кала с истинно менеджерской пронырливостью и завлекательностью. Затем, так как Свинцов с утра во рту маковой росинки не держал, наступил черёд специалиста по ФГС, который, когда всё было уже позади, кратко сообщил, что, кроме старого рубца от язвы, другой патологии он не нашёл, и удалился, посулив в ближайшее время сеанс колоноскопии. Свинцов хотел было на это что-то эдакое сказать, но, во-первых, сил уже не было, а во-вторых, откуда-то выполз страх перед будущими медицинскими манипуляциями. И впоследствии, ощутив прохладное прикосновение ультразвукового датчика, направляемого аккуратными тёплыми руками специалиста по УЗИ, Вениамин Николаевич с облегчением перевёл дух. Ну а скорости, с которой он после всего пережитого собрал нечто в разрекламированные менеджером сестринского дела баночки с красными крышечками, оставалось только удивляться.

Экзекуция закончилась, и Свинцов решил пройтись по отделению для восстановления душевного равновесия, но из этой затеи ничего не вышло. Пол и стены терапевтического отделения были не первой свежести. Глаза большинства бредущих навстречу клиентов-правообладателей сильно просвечивали старостью, болезнями и смотрели с отрешённой покорностью. Запахи, источаемые нестиранной одеждой, как-то не радовали обоняние высокого чиновника. Шаркающая походка обитателей терапевтического отделения, снующих по маршруту «палата – коридор – столовая – туалет – сестринский пост – палата», была лишена того внутреннего достоинства, которое великий реформатор ожидал обнаружить в облике любого клиента-правообладателя. Говорили обитатели отделения между собой не то чтобы мало, но больше невпопад, ввиду отсутствия у большинства слуховых аппаратов. Многие голоса, особенно женские, имели квакающий тембр. Увиденное изрядно покорило Свинцова, ибо весь внешний облик этих потребителей медицинских услуг не позволял разглядеть в них клиентов-правообладателей. Наконец Вениамин Николаевич вынужден был остановиться, так как впереди замаячила вдруг открывшаяся дверь санитарной комнаты, где кого-то уклизили по назначению лечащего врача, что органолептически не способствовало восстановлению душевного равновесия. Разочарованно чертыхнувшись, Свинцов вернулся в палату и устало развалился на кровати. От предложенного ужина отказался – после ФГС кусок не лез в горло. Привычно потянулся к ручке радиоприёмника, покрутил...

– ...именно в шести «Русских» струнных квартетах камерный стиль мастера достиг подлинного совершенства, – интригуяюще сообщил невидимый музыковед. – Ежедневно по вторникам и пятницам в 18.45 мы будем транслировать по одному струнному квартету, чтобы вы могли насладиться всеми шестью шедеврами прославленного автора в исполнении «Веллер-квартета»...

«Михаил Веллер» – неприятно резануло слух фамилией ненавистного писателя, призывавшего в своих радиопередачах отрубать руки ворам-чиновникам. «А его мерзкая книжонка „Наш князь и хан“! Одна только глава, где детей учат строить „пирамидки“, чего стоит! Как могли допустить печатать такое наглое вытаптывание нашей истории? Я уже не говорю о политической составляющей!» – головой Свинцова овладели мысли оскорблённого патриота.

«Ну, отрубить мои руки кишка у интеллигента тонка», – рубанули правду-матку другие мысли, пришедшие в голову Свинцову, но не имевшие ничего общего с оскорблённо-патриотическими. Высокопоставленный чиновник чуть было не выключил приёмник, но в этот момент диктор своевременно пояснил:

– ...под управлением *Вальтера Веллера* – первая скрипка. Сейчас прозвучит первый струнный квартет из этой серии, си минор в четырёх частях, запись 1965 года.

И палату тотчас же охватили печальные звуки главной темы первой части *Allegro moderato*. «Веллер-квартет» исполнял её замечательно, подкупая слушателя нежным прозрачным тембром струнных с чётким балансом и сыгранностью между исполнителями, лёгкостью и одновременно строгостью исполнения. Надо сказать, что великий реформатор обладал отменным музыкальным слухом и памятью, при этом его познания о струнных квартетах не шли дальше известной басни Крылова. Далёкое воспоминание вызвало на его лице улыбку. Ему двенадцать лет, в разгаре семейный праздник с участием изрядно подогретых спиртным гостей, исполнявших нестройным хором некую диковинную песенную смесь под аккомпанемент баяна, виртуозно игравшего, правда, несколько другую смесь. Но как бы ни фальшивили сильно принявшие на грудь вокалисты, юный Венечка без труда попадал в тон любому из них, одновременно помогая баянисту удерживать голову в вертикальном положении, подальше от тарелки с кислыми щами. Вот и сейчас он, охватывая всю музыку целиком, чётко слышал при этом каждый из четырёх инструментов.

Главная тема *Allegro moderato* отличалась необычно большой длиной, благодаря чему мастер на протяжении всей части выбирал отдельные её фрагменты и строил на них новые мелодии и смыслы. Эта главная тема начиналась печальным проведением у скрипок, затем в басу её подхватывала виолончель, а скрипки сопровождали двумя вычлененными из темы первыми нотами, обращая их по ступеням трезвучия при каждом повторении темы виолончелью, доводя до азитированного отчаянья. Но тут мастер внезапно разрубил порочный круг, проведя главную тему в мажоре, и выстроил далее побочную тему, напомнившую слушавшему со всё возрастающим вниманием Свинцову беззаботный танец – игру из далёкого прошлого, когда всё вокруг казалось добрым и достижимым без каких-либо усилий.

Это впечатление совершенно не портило заключение, изложенное с триольным сопровождением, несмотря на радостный тон, вносившим в оптимизм изрядную нервность и вымученную весёлость. Это невольно напомнило Свинцову времена поступления на юрфак, когда он знал, что по-честному экзаменационную сессию провалит, но надеялся и одновременно сомневался, что дядя-цеховик вовремя занесёт необходимую сумму куда надо, ибо опоздать дядя мог, по привычке расслабившись в неге очередного запоя.

Мысли Свинцова вернулись к музыке. А там звучала разработка первой части. Она состояла из переработанной побочной темы с изменённым началом главной, которое давало возможность Свинцову наблюдать, как угасали последние остатки надежды, с роковой неизбежностью подготавливая вступление трагической главной темы репризы. Обладающий абсолютным слухом Свинцов с изумлением заметил, что виолончель отказалась проводить главную тему, а объединилась с альтом и скрипками в исполнении первых двух нот темы, которые, обретая нарастающую силу, настойчиво отдавались приговором: «Виновен! Виновен! Виновен!» – с последующим нарастающим бессилием и покорностью судьбе. И не успел свинцовский разум задаться вопросом: «А кто и в чём, собственно, виновен, господа?» – как гениальный автор остроумно и решительно вскрыл взаимосвязь второго построения главной темы с побочной.

В результате побочная тема, хотя и сохраняла прежний ритм, уже не походила на беззаботный танец – игру из далёкого прошлого, когда «земля казалась ласковой», а показала жестокую действительность во всём её трагическом блеске. Последовавшая за ней кода поставила последнюю точку в трагическом действе.

«Шах и мат! Вот так я разделался с виновным в гибели Куколки стоматологом. Так я разделюсь и с этими!!!» – внезапно сделал парадоксальный вывод из прослушанной первой части квартета Свинцов. * (Интерпретация музыки квартета с привлечением личных и социальных ассоциаций принадлежит исключительно мозговой перистальтике Вениамина Николаевича Свинцова. Сам автор, неплохо знакомый с «Русскими квартетами», весьма далёк от подобных бредовых проекций музыки на происходящие события – прим. автора).

Последовавшая затем вторая часть Scherzando с решительным триольным построением крайних разделов и с прорывающимися местами акцентированными аккордами, а вдобавок и светлые тона средней части лишь укрепили уверенность Свинцова в только что принятом решении.

Третья часть квартета Andante, тема которой в ре-мажорной тональности строилась по восходящим ступеням трезвучия, излагаемая сначала первой скрипкой, затем виолончелью, была чиста, как горный воздух, и безмятежна, как расстилающийся внизу смеющийся ландшафт. «Как было бы здорово по окончании инспекции оставить на время дела и махнуть в живописные, покрытые лесом горы Кавказа», – пронеслось в голове великого реформатора. Побочная тема, проходящая сначала у альты и виолончели и затем у обеих скрипок, как бы напоминала вопрос и ответ и вносила танцевальный оттенок, усиливая радостный колорит. Лишь в разработке появилось ощущение тревоги, обусловленной то и дело возникающим пунктирным ритмом, что заставляло вспомнить о первой части. Впрочем, тревожный оттенок незаметно улетучился, и больше уже ничто не беспокоило безмятежную красоту этого Andante.

Но особенно приглянулся Свинцову финал квартета Presto. Его венгерские мотивы главной партии переплетались с побочной партией в причудливом *Perpetuum mobile*. Драматизм, обостряющийся в разработке и репризе, оставлял в душе слушателя чувство грусти и разочарования. Передача закончилась.

«Продолжение во вторник, раз сегодня пятница. Жаль, не услышал, кто автор. Умеет же писать грустные вещи и не только не давить при этом на психику, но и направлять мысли слушателя в нужную сторону! И укреплять веру в истинность принятого решения!» – резюмировал Свинцов, возвращаясь из светлой печали квартета в реальность, напоминающую о себе чувством голода. Он вызвал менеджера сестринского дела, появившуюся с почтительно-услужливой миной, и потребовал принести ужин.

V

– ... вот и не надо все эти ретикулоциты-нормохреноциты перечислять! Озвучьте диагноз и назначьте лечение, – громогласно требовал Свинцов, оглядывая усталое лицо ОМРа ядохимикатным взглядом.

– А чё, я ничё! – начиная осторожно пробовать на зуб высокое начальство, говорил ОМР – заведующий терапевтическим отделением. – Я говорю, что в вашей крови выявлено малокровие средней степени тяжести с признаками раздражения кроветворения, – ОМР старался выражаться проще и продолжал тоном, в котором проглядывало превосходство и завуалированная наглость. – Кроме того, источник кровопотери у вас не найден, не выявлено также и других тяжёлых заболеваний, приводящих к развитию малокровия. С рождения вы были по линии крови здоровым, как и ваши родственники, я надеюсь. Такой анализ крови бывает при аутоиммунной гемолитической анемии. Но этот диагноз требует подтверждения, поэтому мы связались с гематологом из центра, который настоятельно советует провести пункцию грудины...

– «Аутомутной», – передразнил Свинцов. – Надо, так проводи. Только анализ пусть делают в центре, а то здешние не способны усвоить простой и понятный «Оптимизатор».

– ... с целью подтверждения диагноза для назначения адекватного лечения, – упрямо гнул медицинскую правду ОМР, у которого по вине великого реформатора сорвался заранее запланированный семейный пикничок. – Пункция назначена на завтра, – закончил ОМР, чётко осознавая, что как бы этот высокопоставленный индюк ни пыжился, он уже зависим от ОМРа, имевшего то преимущество, которое здоровый всегда имеет над больным.

– Можешь идти, – буркнул раздражённо и устало Свинцов. ОМР вышел и облегчённо перевёл дух.

Раздался телефонный звонок. Свинцов по привычке откликнулся, и из трубки донеслось:

– С вами говорит представитель страховой компании «ФОКС-ЖО». Мы защищаем ваше здоровье и интересы от неправовых и непрофессиональных действий медицинских работников. Если вы располагаете временем, ответьте, пожалуйста, на несколько вопросов. Могу я продолжать? – на английский манер коверкая язык, проговорил жеманно-похабный молодой женский голос и, не дождавшись ответа, продолжил без разрешения: – Вы действительно находитесь на стационарном лечении в терапевтическом отделении больницы города Z? – по-пулемётному застрочила похабная жеманница из «ФОКС-ЖО».

– Да, нахожусь, – несколько ошалело пробормотал Свинцов, думая о том, что могло означать название «ФОКС-ЖО».

– Сейчас вам будут заданы вопросы из разработанной нашими специалистами анкеты. Выберите, пожалуйста, любой из нужных нам правдивых ответов.

– 1. Сколько времени вы ждали осмотра в приёмном покое?

А) Один час?

Б) Три часа?

В) Больше шести?

– Вообще не ждал. Это меня ждали... – едва успел вклинить ответ Свинцов, но жеманница продолжала тарыхтеть, как будто имела дело с неммым собеседником.

– 2. Долго ли вы терпели грубость медперсонала?

А) Один час?

Б) Три часа?

В) Больше шести?

– Да никто пикнуть не смел! Послушайте... – голос великого реформатора захлебнулся в третьем вопросе анкеты.

– 3. Какие недостатки в профессионализме ОМРа приёмного отделения вы заметили?

А) Долго вас опрашивал?

Б) Долго вас осматривал?

В) Медленно печатал в зависшей программе «Недомед»?

Г) Другое.

– Что «другое»? Дайте мне сказать! – ошалело требовал Свинцов, не понимая, кто из них уже не догоняет.

– 4. От кого исходила инициатива дачи денежного вознаграждения за оказанные услуги?

А) От вас.

Б) От...

– Да как вы смеете в калашный ряд? – неожиданно для самого себя взорвался от внезапно нахлынувшей ненависти к своим защитникам Свинцов, прервав зачитывание гениального мозговыкидыша от страховой компании. – Что за формулировки, я вас спрашиваю? Что вы смыслите в профессионализме? Недосодрали бабла при последней проверке медицинской документации? «Нужных нам правдивых ответов» – как вам это нравится? Мозгов нет! – вскипел окончательно реформатор и в ярости нажал на отбой.

Он был зол. И это было полбеды. Хуже было то, что он был парадоксально зол. Причём на страховщиков, что случилось с ним впервые. На страховщиков – верных союзников в деле превращения врачей в объекты медицинских реформ. Страховщики обеспечивали, с одной стороны, добывание компрометирующих профессионализм врачей фактов – что греха таить, кто из них не ошибается. «Эрраре хуманум эст, – вспомнилась Свинцову латинская поговорка. – Так, кажется, на ужасной латыни звучит „человеку свойственно ошибаться“. Хотя правильной и честнее не „эст“, а по-русски „ест“. Получается: „Ошибка человека ест“. В смысле коготок увяз – птичку жалко!»

Панораму врачебных ошибок он, Свинцов, начал познавать на себе буквально с первых минут жизни. Потницу, которую когда-то очень давно педиатры и дерматологи ухитрились спутать с красным плоским лишаём, что вылилось для его родителей в километры лишней беготни по врачам и стоило кучи потраченных нервов маме. Затем пришло время проявить себя хирургам, и они долго принимали врождённую пахово-мошоночную грыжу за водянку яичка. Мама, когда рассказывала про это, очень сердилась. Причём центральный эпизод в её рассказе занимала словесная перепалка двух хирургов, один из которых твёрдо стоял на стороне пахово-мошоночной грыжи. Сердцу его оппонента, несомненно, была ближе водянка яичка. Так они и спорили довольно долго, пока не произошло ущемление грыжи, положившее конец благородной дискуссии и объединившее усилия почтенных хирургов в блестяще проведённой операции.

И потом, будучи студентом на юрфаке, когда фельдшер сделал прививку и не объяснил толком от чего. Он что-то говорил, только будущий юрист медицинского языка не понял. Затем в юной юридической голове будущего государственного мужа зародилось примерно три десятка вопросов, на которые фельдшер, не имевший в сутках лишних двадцать четыре часа свободного времени, не стал отвечать.

А смерть дяди-цеховика, оставившего солидное наследство, которая наступила по официальной версии от поздно прибывшей на место ДТП скорой? Дядя, мнивший себя мотоциклетным Паганини, по пьянке въехал в троллейбусный столб. И, наконец, относительно недавняя кончина любимой жены в зубоврачебном кресле. Да чего там кончина жены? Было ведь ещё такое, о чём вообще никому не расскажешь. Свинцов был в этом убеждён! Подумать только, его, будущего реформатора России, во время родов тащили щипцами! Акушерки в роддоме шептались промеж собой: «Щипцовый, бедняга!» И это мама слышала!

– Так много у вас гинекологов, а почему будущий новорождённый щипцовым стал – неизвестно. И не дознаешься, кто виноват! – раскаляла скандалом мама кабинеты облздрава.

Да, если бы тогда была страховая медицина, компромат нарыли бы в два счёта и роддом бы изрядно оштрафовали, а врачей с акушерками уволили!

«С другой стороны, – продолжал анализировать Свинцов, – обзвон и заброс анкетами создавал у населения некое ощущение заботы о нём, несмотря на продолжающееся увеличение очередей на приём к врачам по талонам. Но тут вообще всё законно! Все нормы приёма посчитаны экономистами. Для того и страховая медицина, чтобы надёжно развести медработников и пациентов по разные стороны непреодолимых баррикад! Но если всё правильно, тогда чего я вдруг напал на невинного представителя страховой компании „ФОКС-ЖО“? Может, из-за некорректной до наглости анкеты? Так это необходимый для добывания компромата инструмент их работы. Если на больного не давить в нужном направлении, то как он осознает себя клиентом-правообладателем? И, не дай бог, снова начнёт верить врачам, несмотря на старания СМИ? Многочисленные горячие линии ведь замёрзнут!»

Уставший Свинцов лёг в постель и накрылся одеялом. Мысли стали постепенно путаться и медлить. А может, он сам стал постепенно терять убеждение, что он клиент-правообладатель, и начал сознавать себя обычным больным, для пользы которого в анкете не было ни слова? Или он стал хоть немного верить вот этим самым его стараниями низведённым до жалкого состояния ОМРам? Мысли всё больше путались, тормозили и приобрели жутковатый фантастический оттенок. Почудилось вдруг, что страховщики намеренно третируют лечебные учреждения, чтобы врачи в замешательстве от бесконечных проверок чаще ошибались, невольно способствуя удовлетворению нарастающих appetитов всех этих «ФОКС-ЖО» или «RRS-медицина» и бог ещё знает кого.

Распоясавшаяся полусонная фантазия немедленно нарисовала картину, от которой Свинцова прошибло холодным потом: дюжина врачей, обложенная горами затребованной для страховой проверки медицинской документации, не могла двинуться в сторону странно неподвижного больного на заднем плане картины. Ложем больному служила новейшая кровать с тонкой арматурой вместо допотопной сетки. Рядом на подставке размещался дозатор, заряженный опустевшим шприцом, оглашая пространство непрерывным писком. Подле стояло несколько родственников с причудливо маленькими головами и огромными руками, тянувшими неестественно длинными и толстыми пальцами в сторону утративших подвижность врачей. При этом некоторые руки размахивали такими же огромными смартфонами, поднося их к головам, изливая в уши неведомых оппонентов множество эмоций, сливающихся в нечленораздельный гул. На среднем плане среди пустыни стояла одинокая дверь с криво висящим, заиндевшим от инея номером телефона горячей линии. Рядом располагалась бессильно поникшая фигура женщины, так и не получившей помощи от своих «спасителей».

Облик загнанных в неподвижность врачей распространял жуть. Вместо пальцев у них выросли авторучки, которые непрерывно шевелились и исправляли в кучах документов ошибки в соответствии с капризно меняющимися запросами, выпускаемыми в виде стрел пролетающими эскадрильями саранчи с опознавательными знаками по бокам «ФОКС-ЖО». Некоторые особи саранчи приземлялись и сразу начинали рвать карманы у застывших до состояния Статуи Свободы врачей, поедая их содержимое с неопикуемой ловкостью и громко чавкая. Сами же врачи только и могли время от времени открывать рот, из которого улетал куда-то ввысь очередной затребованный отчёт. На головах врачей мирно покоились объёмистые тома новых версий медицинских стандартов, шеи украшались цепочками с прикреплёнными флешками электронной подписи. Неизвестно, перенёс бы Свинцов этот ночной кошмар вогнанных в неподвижность врачей, но возник из ниоткуда облик его Куколки, пронзительно прокричавший: «Ты что, забыл, старый веник, что когда у меня случился шок, стоматолог *двигался?*»

И посыпалась страшная картина, унеслись в бесконечность влекомые ветром осколки. Мысли Свинцова вернулись в реальность и обратились к лечащему его завтерапией. «Ретикуциты-нормохренцы, так он мне, кажется, сказал?.. Да, ещё неизвестно, кто сильнее: стра-

ховщики, минздравовские стандарты, правовое сознание клиента-правообладателя или... как это... – нужное слово долго не хотело приходить в голову. – Их ТЕРМИНОЛОГИЯ», – удовлетворённо вспомнил он нужное слово и, наконец, погрузился в государственный сон.

VI

Ночь у главОМРа явно не задалась. Сон упорно не шёл. Вместо сна в голове непрерывно роились разнообразные мысли и страхи. Да-да, страхи. Казалось бы, откуда им взяться при его разносторонней опытности во всех отношениях? «Что делать с этим Свинцовым? Настоящий свин! Сколько унижений от него за один день натерпелся! Как бы не пинком под зад!» – лихо-радочно пронеслось в голове. Хотя калач он был тёртый. Нахлынули воспоминания, ненужные и назойливые.

«Чего я только не повидал, из каких только передраг не выворачивался. Причём с детства, когда лохов ещё не кидал на бабки, но уже выманивал обманом новогодний костюм джигита вместо зачуханного белого зайки с обвисшими ушками. А потом начал кидать и на бабки, выставляя лохом какого-нибудь ботана-одноклассника. И затем подбивал ватагу единомышленников для наказания этого же самого ботана за то, что он лох. И староста класса – первая хлебная должность для тех, кто с детства учится правильно жить. Не было такого сбора копеек для нужд класса, с которого не поимел бы я рубль. Сейчас это кажется мелочью, но в те времена этот рубль казался нынешними десятью миллионами. Машины, правда, заворачивали и привлекали меня всегда. Ещё бы, это ж статусная вещь! Сначала я их менял на новые, а с ростом благосостояния просто пополнял коллекцию, покупая недостающие. Я правильному учился!

Женился я тоже одновременно и на бабках, и имея виды на должности. И всё получил! И бабло, и должность, только мои адюльтерные пристрастия с пристрастиями жены категорически не хотели совпадать. Совсем. Но как раз в этом «совсем» и сохранялась нерушимо подлинная супружеская взаимность. Только я свои пристрастия, в отличие от жены, лучше использовал в профессиональной деятельности. В кабинете поставил не просто диван, но диван-экзаменатор для сотрудниц, претендующих на бластные должности или другие ништяки, исключительно благодаря приятности в обращении и личным способностям. И был совершенно прав, ибо желающих было предостаточно, и некоторые показали себя подлинными виртуозами применения личных способностей.

Многие думают, что для получения должности нужно только хотеть её занять, найти толкача и не стесняться заносить требуемое куда надо вплоть до алькова. Дурачки! Надо ещё уметь найти компромат на конкурента. Если такового нет, то создать искусственный компромат, спровоцировать противника на роковую ошибку. В этом, конечно, мне с радостью помогали виртуозы использования личных способностей. Не зря же я им столько хлебных местечек создал, где съеденные ими незаработанные ставки отработывали всякие лохи! Но и это ещё не всё. Надо пристально следить, не появится ли со временем конкурент с такими же, как у меня, способностями. Заметить и загасить, не дать себя подвинуть. Кроме того, переменчивая судьба может и злую шутку вытворить. Проигнорировал некий якобы пустяк, а спустя неделю ты уже не сидишь в своём тёплом кресле, а мнёшь начищенными туфлями ковёр у высокого начальства. Ковёр высокохудожественной персидской работы, такой красиво расшитый, тёплый да мягкий, как бы уходящий в бесконечность. Только стоять на нём отчего-то страшновато, аж дрожь требушину пробирает! В такой ситуации нужно уметь куда-нибудь подальше засовывать свою честь, даже если она и была когда-то в организме. Потому что для лоха, равнодушного к карьерному росту, личная честь и мат, изрыгаемый ему на голову вышестоящим начальством, ну никак не срастаются. Этому ремеслу – отряхиваться по-собачьи ради удачной карьеры – душа моя обучалась ещё с пелёнок. А как же, хочешь красиво жить – умей верноподданно утираться. Чай, как говорят, брань на ворота не виснет! Умей терпеть, и придёт твоё время сладко пить, вкусно жрать и, глядя вниз, наблюдать отряхивающихся!!! Я красиво живу!

Потом, уже в новые времена, захотелось погреться на внезапно налетевшем пилотном проекте. А нужные мысли почему-то в голову не шли. «В небе проект, а башка – чистый лист, придумай, как хапнуть, экономист!» – и ошарашенный от сладостного вождения лёгкого бабла экономист тотчас придумал план и осуществил его с помощью осовевшего, счастливого до умиления бухгалтера!

Заведующих отделениями я уже давно почти всех превратил в курочек, несущих золотые яйца, дав возможность и даже *устно* предписав стричь контингент. А им и предписывать не надо – сами нороят, крысят! А если кому из своих блатных или «нужных» потребуются, ну там, бесплатные профсоюзные путёвки, премии, к празднику бабки на золота хлам, всегда я найду, кто не выполнил план! Не выполнил, стало быть, не заработал зарплату, можно её и урезать, как присваиваемый профсоюзный налог. Во, мысли уже рифмами понеслись! А полезные да нужные – они больше, чем подчинённые. Они *семья*, пока я – *глава*!!! Главное – ни за что не платить самому! Деньги из *семьи* не должны уходить!!! Я правильно мыслю!

Клиенты-правообладатели! Ишь чего выдумал! Дурак ты, Свинцов, свинцовая твоя башка! Какие они, к чёрту, правообладатели, если стричься готовы до второго пришествия, отдавая свои кровные за призрачное хорошее отношение, сомнительный профессионализм, или чтоб без очереди приняли и бумагу нужную выправили, или за чудом вылеченного когда-то родственника, или вообще бред: из страха, что лечение без подарка не поможет? Вы ещё отстегните за исполнение нараспев хором медработников клятвы Гиппократов в рок-обработке, придурки! А если кто не может «приняться» у участкового врача по талону за десять дней? Так талоны печатают исходя из норм приёма – тут всё по закону, лохи-правообладатели, не подкопаетесь. Если выясняют, что «ихний» врач уволился и уехал, то его же и считают виновным, предателем, подавшимся в столицу за длинным рублём. Они же вообще смело пишут жалобы только на тех, кто беззащитен, или на тех, кто не в теме, или кого я захочу при обострении ситуации выставить козлом отпущения! А если накапает кто в Минздрав, что врачи испарились, так можно отписаться, что уволились они по достижении пенсионного возраста или даже по черныбыльской выслуге – утритесь! Как ты этого не понимаешь, свинцовый мудака?»

«Мудака не мудака, а своим появлением и понтами создал ты мне ситуацию хреновую», – наперегонки понеслись новые мысли, внося нарастающую тревогу в голову главОМРа.

«Ладно бы только проверял освоение врачешками своего «Оптимизатора диагностического мышления», заранее дав телеграмму по электронке. Кое-как я отбил бы. А то возомнил себя Богом и больным одновременно. «Поставить диагноз и вылечиться!» Ты вообще соображаешь, где раскомандовался? Лечиться удумал в моём курятнике? В луже глубинки? И ведь уезжать в Москву или Питер не желает. Звонят же с верхов – так отказывается наотрез. А мне из-за этого завтра губера надо встречать. Придёт Свинца проведать. «По дорогам и лесам топай-топай, шёл старик издалека кверху...» – блин, надо же, вспомнил песню, которую пел во втором классе! Чёрт знает, кого за собой притащит на хвосте губер? Что будут разнохивать главные специалисты? Ресторанами не факт, что отобьёшься! И ещё не такие песни золотого детства вспомнишь!

В поликлинике не знаешь, чего больше бояться. Не журналы, так оборудование, не линолеум, так отделочная плитка, меняемая под Новый год. Не вежливый, вникающий исключительно в трудовую дисциплину заведующий поликлиникой, так бардак в оформлении частью выдуманной документации по диспансеризации взрослого населения. Как они так её вбивают в компы, что недобивают? Даже протирая штаны и юбки, работая по выходным без доплаты или пусть даже с доплатой? А медсёстры? Так и нороят уклониться от навешиваемой дополнительно неоплачиваемой работы. Пятнадцать тысяч в месяц им мало, какая наглость! И бросают на нас исподтишка подлые взгляды, будто требуем мы от них нечто сверхъестественное! У нас, начальников, сверхъестественных и несправедливых требований нет и не было. Просто

выделенное нам и с аппетитом проглоченное надо отработать вам! Чего тут непонятного? Кому не нравится – скатертью дорога! Я правильно управляю!

А прививки? Краем уха от зама слышал, что прививок больше, чем детей. Что делать? Ведь если не отчитаемся, взгреют, мало не покажется!» – он залпом выпил бокал дорогого подарочного мартини. Опустил в темноте бутылку мимо стола. Раздался звон. Выругался матом, не боясь нарушить сон храпящей от супружеской взаимности жены. Затопал по комнате. А мысли скакали дальше.

«Мы всё это проворачиваем для сохранения статуса, иначе кормушку настолько уменьшат, что в такие ясли и новорождённый свинёнок не поместится. Жрать-то что останется? Чего не понятно, нам хочется ЖРАТЬ!!! А если анонимку опять пошлют?.. Да чёрт с ней, самое главное для поддержания тепла моей задницы – успешное лечение этого „Оптимизатора“, тьфу, реформатора!» – запутались в иностранных терминах мысли.

«Правда, ОМР – заведующий терапевтическим отделением – держится пока хорошо. Но всё равно неясно, вылечим ли? Да и точный диагноз как быстро выставим? Тут бы постараться, как обычно, побольше ответственности на областной центр переложить. Я верно мыслю! Тогда почему мандраж?

От неизвестности. Не знаю, как ОМРу, а мне диагноз сейчас вообще непонятен! Как бы кто не напортачил. Не дай бог, во время пункции грудину сломаем! Объяснений ТАМ слушать не будут! Да даже если и не сломаем... если не вылечим... Ему что, гаду, в падлу в столицу лечиться уехать? А если вдруг, боже упаси, летальный исход, то мне проверок в поликлинике можно уже и не бояться!!!» – пытаюсь догнать мелькающие отчаянные мысли, главОМР по обозначившейся серой межгардинной щели только сейчас осознал, что ночь прошла и наступило тяжкое, свинцовое во всех смыслах утро.

VII

Вечером в палате больного реформатора заведующий отделением докладывал что-то жевавшему и смотревшему неестественным полуостекленевшим взглядом главОМРу о только что полученном результате анализа взятой утром пункции грудины.

– На основании жалоб и истории заболевания, собранных вчера с помощью «Оптимизатора», плюс данных анализов и инструментального обследования, не выявивших источника кровопотери или онкопатологии, а также с учётом полученного анализа пунктата костного мозга...

– Вы по-прежнему не соблюдаете правила интерпретации результатов обследования, изложенные в третьем разделе «Оптимизатора», согласно которому надо: 1) озвучить конкретный вид проведённого исследования, 2) потом сам результат, 3) затем интерпретировать с постановкой диагноза для каждого данного вида исследования, – раздражённо и устало перебил терапевтического ОМРа больной творец «Оптимизатора». – Например, взять хотя бы вашу колоноскопию, будь она неладна, – он выпучил глаза, сопровождая это жестом рук в области живота, как будто проглотил змею, а выгнать её не смог. – Колоноскопия, говорю я вам – это метод, найденный с его помощью геморроидальный узел – это результат, а «наружный неосложнённый хронический геморрой» – это диагноз, поставленный данным видом исследования. А то как начнут писать про «густурацию» или «конфигенцию складок». Слово-то какое – «конфигенция», или этот... «плоский эпителий 1—2 в поле зрения», или «БДС неизменен». Это что за абракадабра? Что за БДС такой? Спрашиваю у менеджера сестринского дела, а та только улыбается, как ночная бабочка на вызове, и качает ляжками. Чё качаешь ляжками, дура? Звони докторам, спрашивай! И что вы думаете, позвонила она эндоскописту. А он и отвечает, что БДС – это большой дуоденальный сосочек. Он думает, мне понятней стало? Или вот ещё, останавливаю другого ОМРа, что лишние вопросы по «Оптимизатору» задавал. Он мимо проходил. Спрашиваю, что такое гемоглобин и с чем его едят? Он отвечает... – реформатор пролистал блокнот. – Я лучше прочту, а то не запомнишь и не выговоришь. Он сказал, что типа «гемоглобин – это продукт соединения гема с цепями глобина и что он нужен для переноса кислорода в ткани, благодаря разнице в сродстве к кислороду, и в печени превращается в прямой билирубин». Вы думаете, мне понятнее стало? Я не дал ему договорить, а то он уже собрался объяснить, во что билирубин превращается в кишках. Вот так вы, медработники хреновы, морочите головы людям! «Большой дуоденальный сосочек» у вас есть, понимаешь! Сосочка должно быть только два, сами знаете, где и у кого! Уф, устал я от вас, – Свинцов пробовал метать грозные взгляды то на ОМРа терапевтического отделения, то на его высокое, хотя и несколько помятое начальство. Взгляды, однако, получались какими-то жалковатыми. Он машинально притронулся к месту пункции грудины, сморщился и продолжал:

– Необучаемы, совсем не всасывают! Ладно, валяйте дальше.

– Нормобластный тип кроветворения, «синий» костный мозг, то есть признаки раздражения костного мозга, лейкоз не выявлен, – продолжал научно нудить, на первый взгляд старательно, но с неуловимой издёвкой ОМР. – С учётом наличия значительного повышения в крови количества ретикулоцитов при нормальном содержании железа и витамина В12 в плазме гематологом центра выставлен диагноз: «Аутоиммунная гемолитическая анемия средней тяжести» и назначен преднизолон в качестве основного лечения и другие препараты согласно стандартам. Для прикрытия желудка будем использовать ингибиторы протонной помпы.

– Имбибиторы – это что?

– Ингибиторы блокируют протонную помпу в слизистой желудка. Это нужно для...

– Что это за медицина, когда одно лечишь, а другое надо прикрывать от протонной помпы-жомпы? Это какими мозгами надо обладать, чтобы придумать выражение «протонная

помпа»? У меня что, внутри ядерный реактор – протоны перекачивает через одно место? Вы сами понимаете, что говорите? Речь ОМРа должна быть для клиента понятна, смысл должен быть прозрачен, как вода в роднике! Ладно, проехали. Значит, раз специалист из центра советует, так исполняйте! Долго лечить будете? – он устремил вопрошающе-недоверчивый взгляд сначала на помятое прошедшей губернаторской проверкой и что-то жующее начальство, но, так и не получив ответа, сверкнул глазами в сторону ОМРа-заведующего терапевтическим отделением.

– Что говорим – понимаем! Лечить будем ориентировочно в течение месяца, по ходу лечения будем контролировать анализы. Всё сделаем, если надо, проведём повторную консультацию гематолога центра, – уверенно и спокойно отчеканил ОМР.

– Ладно, идите, все свободны, – устало перевёл дух Свинцов, когда остался в палате один.

Он вспомнил весь сегодняшний день, что подверг его тяжкому испытанию. Сразу с утра началась в отделении какая-то нервная суета. Сначала нанёс визит приехавший губернатор с министром и сопровождающими их лицами. Похвалили палату и персонал, главОМРа. Снисходительно посмотрели на телевизор, поморщились на радиоприёмник, выразили надежду, что всё будет как нельзя лучше. Выразили оптимизм по поводу идущей оптимизации. Дежурно пожелали скорейшего выздоровления и сообщили, что если он, Свинцов, не возражает, то они его покидают, так как нужно проверить кое-какие моменты в отделениях, а главное, в поликлинике. Свинцов не возражал, и вся компания откланялась. Не прошло и четверти часа, как дверь пропустила в палату деликатно улыбающуюся менеджера-медсестру, которая участливо осведомилась, хорошо ли кормят, нормально ли показывает телевизор, и, получив ответ, что Свинцов слушает только радио, снисходительно пожала плечами и сообщила, что его скоро позовут на пункцию.

Светящаяся медицинской белизной и чистотой манипуляционная почему-то вызвала чувство тоскливого ожидания, от чего противно засосало под ложечкой. Свинцов, вошедший внутрь, с удовлетворением обнаружил, что он не один. Присутствовали ОМР-заведующий отделением, медсестра и лаборантка, которые были в масках и перчатках. Глаза у всех троих излучали одинаковый холодный сосредоточенный блеск. Это только усиливало тоску под ложечкой, и Свинцов счёл за лучшее перевести свой взгляд на проступающие местами трещины краски на поверхности медицинского шкафа. В этот момент лаборантка звякнула чем-то стеклянным. Откуда-то потянуло эфиром. Свинцову ещё более стало не по себе, и он ощутил, что значит быть подопытным. Возникло желание убежать, но боязнь потерять лицо подавила этот порыв. Слов, которыми обменивались трое в масках, Свинцов старался не слушать, но фразы, отдающие явной конспирологией, всё равно проникали в душу, усиливая смятение: «игла Аринкина», «ограничитель на 12 миллиметров», «эфир для сушки». И, наконец, одновременно с фразой: «Сейчас уколём в ямочку, будет немного больно, не бойтесь, потерпите» – грудь пронзила такая рапирная боль, что потемнело в глазах, брызнули слёзы, и Свинцов понял, что чувствовали дуэлянты-неудачники в свои последние минуты.

– Всё уже? Когда будет готов результат? – вопрошающе полупростонал Свинцов, когда вновь обрёл способность к связной речи.

– Проводите больного в палату, пусть отдыхает, – вместо ответа донёсся до него как через вату голос лечащего ОМРа. Великий реформатор медицинского мышления, ведомый под руки, еле доковылял до палаты, и там под доносившийся из радиоприёмника утиный голос профессора истории Сыроедко, вещавшего о правлении, реформах и убийстве императора Павла I, боль постепенно улеглась и он наконец успокоился.

А в это время в кабинете главОМРа шло очень важное совещание. Присутствовали его заместитель, завполикликой, главный экономист. Хранитель профпоборного общака также присутствовал. После разгромной проверки поликлиники, которой так опасался всю

ночь не смыкавший глаз главОМР, страсти надо было переводить в спокойное, деловое русло. Этому, несомненно, способствовали откупоренные бутылки с горячительными или слегка прогреваемыми благородными напитками. Изрядная их часть была уже употреблена и усвоена взволнованными начальственными организмами. Закуской служили три вида копчёных колбас, домашние куры-гриль, голубцы из свинины, нарезанный сыр «Ламбер», две початые коробки шоколадных конфет и весьма солидного размера торт.

– Дверь закрой! – скомандовал главОМР заведующему поликлиникой, уже вразумлённому двумя десятками цензурных и нецензурных комплиментов за кое-какие недостатки в работе, обнаруженные высокими проверяющими гостями. Поэтому душа его была, как говорят, «в раздрае», и он переживал странное желание вылизать сапоги проверявших благодетелей, но не знал, какие при этом применить моющие средства, кроме слюны.

– Нам надо решить остро вставший вопрос о восполнении понесённых финансовых потерь, затраченных на обед и задабривание важных контролирующих персон, – произнёс вступительное слово главОМР.

– А у меня ОМРы общей практики журнал учётных групп риска по... – невпопад начал было завполикликой, усаживаясь между внушительными тушами зама и главного экономиста.

– Помолчи, заткнись! – оборвал его главОМР. – Ты уже прославился. Еле выпутались. Нас с замом благодари! Слушайте сюда. Вопрос первый: сколько у нас ещё осталось *наших* профсоюзных денег, не оприходованных на санатории «блатным»?

– «Блатные» всегда были, есть и будут! – провозгласил зам, так энергично тряхнув при этом головой, что боднул бутылку в форме бочонка на две трети выпитого «Амонтильядо».

– Я тебя не спрашиваю. Совсем пить разучился, – главОМР требовательно перевёл взгляд на хранителя профпоборного общака. Тот, опрокинув рюмку водки, сразу назвал некую сумму.

– Этого недостаточно. Вопрос второй: кто у нас не выполнил квартальный план, сколько единиц медицинской документации и у кого было отклонено от оплаты при последней проверке страховой компанией «ФОКС-ЖО»? То есть сколько мы недополучили *нашего* бабла? Сумму!

– 467 589 руб-блей, – пробормотал экономист после изрядной дозы шотландского виски.

– Список виновных работников сюда, и со всех взыскать.

Он брезгливо взглянул на невесть откуда взявшийся на столе список, прочитал, затем свернул его самолётиком и бросил через стол главному экономисту. Но список дал недолёт и протаранил кучку обглоданных костей, бывших когда-то домашними курами-гриль. И не успел главный экономист решить, вынимать его или оставить, как главОМР продолжил:

– Да, взыскать. Вот как надо! – и залпом выпил полбокала своего излюбленного martin. – Теперь третий вопрос, – он отправил в рот кусок хлеба с копчёной колбасой. – Почему в этом квартале ещё не собрали с медсестёр на детский дом?

– Так уже собирали. Уф, – после разбитого бочонка «Амонтильядо» зам разнюхал текилу. Но чем-то она не приглянулась, и он приложился к «Каберне совиньон», благодаря терпкости, насыщенности и привкусу чёрной смородины идеально подходящему для мясных блюд.

– Так надо ещё собрать, объяснить, что типа в счёт будущего. А вообще не хрен им объяснять! Их дело – сдавать бабки по нашему требованию! Кто рогом упрётся, уволить! – обнаружив, что martin необратимо опустел, главОМР стал ввинчивать штопор в пробку в бутылку «Бургундского».

– Будет сделано! Что-то ст-тулья неуст-тойчивы-вы-и и голова оп-пускаетца, – выкрикнул уже неизвестно кто, проглотил отвергнутой замом текилы и на собственном примере показал, что закусывать свинными голубцами прямо ртом из тарелки гораздо вкуснее.

– Т-теперь вопрос номер четыре! – провозгласил главОМР. – Слышь, ты! – он приподнял над голубцами лицевую часть черепа неизвестно кого и произнёс неестественным шёпотом: –

Почему не собраны бабки на инвалидов? Собрать! Оформить приказом! – и вернул лицевую часть черепа сомлевшего собрата в голубцы. – Закусывай, закусывай. Ясно, как надо переводить проблемы в деловое русло? – спросил он гвардию и из горлышка выхлебал остатки любимого напитка мушкетёров.

Но обессиленная гвардия ответила ему лишь нечленораздельными звуками и улыбками лиц, приукрашенных оранжевыми, жёлтыми, зелёными и синими мазками крема, ещё час назад украшавшего величественный торт.

– Совсем слабаки стали. Жаль, красного крема нет, а то получилась бы радуга! Надо бы кому-то из вас бабло тоже урезать. И я даже знаю кому, – его ставший игривым взгляд переместился по направлению к инородному телу в тарелке голубцов. – Не бойсь, отдыхай. Я своих до поры до времени, пока самого за жопу не возьмут, в обиду не даю!

Настроение явно улучшилось. Но тут зазвонила в кармане мобила.

– Что? Уже готов анализ пункции? Сейчас иду, – он сполоснул рот, взял леденцы «Антиполицай», отряхнул с костюма крошки и, озабоченно контролируя походку, направился в палату великого реформатора.

VIII

Следующее утро началось как обычно. Разве что появление нового высокопоставленного постоянного вызвало пересуды среди рассредоточенных по палатам клиентов-правообладателей. Давно прошли те постылые советские времена, когда в больнице лечились живые душой люди и взгляд зашедшего в мужскую палату посетителя то тут, то там натыкался на играющих в разнообразные карточные игры или шашки с шахматами больных. В женских палатах вязание, чтение облегчённой литературы гармонично сочеталось с пережевыванием костей каким-нибудь общим знакомым. Живость суждений, окрашенная яркими эмоциями, несомненно, повышала сопротивляемость организма и если не ускоряла выздоровление, то по крайней мере способствовала исчезновению обострения. Общение с врачами и медсёстрами носило по большей части характер непринуждённый, а иногда и душевный. При этом пациенты, как правило, верили не только медперсоналу, анализам, лекарствам, но и в успех лечения.

Боль от уколов витаминов группы «В» ощущалась мало и оценивалась как приближающееся улучшение. Повышения давления в те времена больные, как правило, не боялись и расценивали это как повод подойти к медсестре и «всадить» любимый дибазол или магнезию, которые, как ни странно, в большинстве случаев помогали. «Шишки» после уколов рассасывались быстрее, благодаря нанесению йодных сеток – одной из самых любимых больными манипуляций. Горчичники и банки добавляли особый шик проводимым лечебным манипуляциям. Даже если при постановке банок «малость» разбавленный спирт не желал загораться (ну, не отмечать же медперсоналу всевозможные праздники на сухую), больной ждал успешного окончания поисков нормального спирта без малейшего намёка на раздражение. И пребывал в полной уверенности, что всё как-нибудь утрясётся. Но пока утрясалась проблема поисков способного гореть спирта, выяснялось, что вазелин для растирания спины задевался не пойми куда. И тогда вместо него использовался брикет натурального сливочного масла, с боем отобранный у морозильника и затем согретый мягкими заботливыми руками о спину выздоравливающего пациента. Стоит ли говорить, что больной был неизменно благодарен за нормализацию температуры. Если же медсестра вносила в палату капельницу, то наиболее слабонервный из больных требовал у доктора перевести его в другую палату, так как, по его мнению, капельницу ставят без пяти минут покойникам, а он не желает присутствовать при кончине товарища по несчастью.

Но прогресс не стоит на месте, а двигает всевозможные модернизации, стандартизации, которые делают самоцелью достижение лечебным учреждением коммерческого успеха, выполнение всевозможных планов, становясь как для врачей, так и для больного прокрустовым ложем. Успех лечения, таким образом, превращается в побочный продукт системы здравоохранения. И вот медицина уже страховая и для достоверности с элементами «доказательной». Так и триндели из телемозгопромывателя наукообразные учёные: «...с точки зрения доказательной медицины то-то и то-то». При этом самих доказательств почему-то не приводили. А потому и не приводили, что народ верил и так. Но чтобы никто не сомневался, что обследоваться нужно так-то, а лечиться нужно тем-то, ввели жёсткие стандарты. Остальное упразднили. Благодаря этому у пациентов сначала отобрали банки с горчичниками как внезапно ставшие бесполезными, затем витамины группы «В», рибоксин и даже любимый всеми гемодез.

Но лиха беда начало. Повторно ложиться в больницу с тем же диагнозом ранее чем через три месяца и думать не могли! Врачам больше четырёх препаратов назначать самовольно категорически запрещено, только через врачебную комиссию. Да и сократили число дней больничного листа, которые доктор мог выдать самостоятельно, с тридцати до пятнадцати. Зачем? Да разве возможно проникнуть под черепные коробки обитателей и творцов, густо населяющих министерские хижины? Якобы для того, чтобы больничными листами торговать было труднее. Но это якобы. А реально эта гениальная мера привела лишь к росту очередей у кабинета

врачебной комиссии, расширив возможности для самых разнообразных скандалов. Но доктора проявили удивительную находчивость и манёвренность. Для более ранней госпитализации (менее трёх месяцев с момента последней) стали выставлять другие шифры диагнозов, хотя и схожие с истинными, чтобы больной в лечении ничего не терял. Врачебные комиссии спокойно разрешали давать больным более четырёх препаратов, благо во многих стандартах так и предписано – более четырёх.

А многочисленные министерские запросы, требующие ответа к безвозвратно прошедшей дате? При этом попытки практических врачей подсчитать число извилин в мозгах у министерских гениев, что придумывали подобные распоряжения, неизменно давали единицу. Оно и понятно, ведь для проведения принципа экономии с последующим получением неких благ более одной извилины и не надобно.

Появление столичной знаменитости вызвало некоторые гендерные различия в темах разговоров больных. Из женской палаты доносилось:

– А чё, правда, штоль, реформытор в платную палату завалился? – спросила больная К. 64 лет у лежавшей на соседней койке больной Ю. 57 лет, совершенно позабыв, что поначалу она хотела затеять спор и доказать, что её гипертония гораздо серьёзнее, чем бронхиальная астма у упомянутой Ю.

– А почём я знаю? Говорят, лежит тип важный какой-то. Я вчера случайно его увидела, когда шла из туалета. Вели его под руки из процедурки, – с некоторым присвистом на выдохе ответила Ю.

– И как он? – осведомилась 44-летняя женщина-сухостой двухметрового роста с угловой кровати, запивая альмагелем обострившуюся язву.

– Как-как, больной он, бледный. Всё смотрела, доведут до палаты, не доведут. Вроде довели. Не уронили, грохота не было, – больная Ю. дважды вдохнула из бело-зелёного ингалятора и на несколько секунд задержала дыхание.

– Я тебя не о том спрашиваю. Здесь все больные. На мужика похож али нет? – продолжала доставать соседку 44-летняя язва, намекая на превосходство в молодости.

– Тоже мне, молодка-переспелка, была бы у тебя астма с приступами по ночам вместо мужиков да аллергия на всё, я бы на тебя посмотрела, – злорадно выдохнула Ю.

– То-то мы всю прошлую ночь глядели не нагляделись на твои приступы. Ты ж нам спать не давала. Медсестра с доктором сколько раз к тебе подходили! Доктор слушалкой-то слушал-слушал, а потом сказал тебе, что горлом «Хы» делать не надо. И уколами кололи, и капельницу ставили, а ты хоть бы что!

– Так я *этому* сказала, что у меня аллергия на все запахи, а ты тогда намазалась вонючим ночным кремом, вот я чуть и не померла. Говорила тебе, что не смей кремом пользоваться в палате. Мажься в туалете и иди стой с мужиками или проведай этого бледного в платной палате, приголубь страдальца, а то говорят, грудь ему кололи без наркоза. Заодно узнаешь, мужик он или нет.

– Да ты своей астмой мне гипертонический криз сделала! У меня давление 160 на 90 скакнуло, голова чуть не лопнула, трясло всю, – вступила в дебаты 64-летняя К., – коринфаркт пришлось пить, да магнезию делать, да феназепам доктор дал! А всё из-за тебя! Неженка выискала тут!

– Да ты ва-аще молчи! Давление у неё! У тебя в норме 150 на 80, слышала, как ты это доктору говорила, когда сюда пришла. Всю твою историю слышали, хоть и спали! Ты тут, а мужик твой к соседке с 32-го дома лыжи наострил, типа купить самогон. Как ушёл, так до утра по мобилке не отзывался. Вот и давление. Ты-то к медсестре мерить давление бегала раз пятнадцать, если не больше. Чё, если бегать к медсестре через каждую минуту, магнезия с коринфарктом быстрее помогать начнут? Или думаешь, им тонометры новые каждый месяц выдают? – здраво разложила ситуацию по полочкам молодая язва.

– И вот бегала – мелькала туда-сюда. Это от криза ты грозила написать на медсестру жалобу в Минздрав? Да на тебя поглядишь, и ингаляторы от астмы перестают помогать! – всё сильнее присвистывая на выдохе, добавила соседке миссис Ю.

– Да хватит придуриваться, приступ изображать. Аллергия у неё на все запахи. Где же был твой приступ, когда доктор зашёл к нам утром весь в одеколоне. От него так и разило! Где был твой приступ, я спрашиваю? Всех в палате строить хочешь, главной себя считаешь, что ль? Крем мой приступ, видите ли, вызывает. А доктора боишься, вот приступ от его одеколона и не наступил. Или забыла, как доктор сказал, когда уходил: «Сиж у же полчаса, от одеколона самому тошно, а у вас дыхание спокойное и даже хрипов нет. С чего бы такая странная избирательная чувствительность ваших бронхов? На её крем обструкция бронхов есть, а на мой одеколон нет?» Ты ещё устрой приступ в палате больного начальника! Может, прикажет инвалидность тебе дать!

– А я *этому* ответила, что, между прочим, у меня нет приступа и на освежитель воздуха, что в доме у меня в туалете стоит. Я им пользуюсь, и тоже нет ничего. А кремами не пользуюсь, и от чужих освежителей воздуха тоже приступ возникает. Вот ему крыть нечем стало. Только и сказал: «Вот-вот, тем более». Думает, больше меня знает. Я на него главврачу пожалуюсь! И нечего дразнить меня инвалидностью! – последние слова больной Ю. поглотил кашель, и она вновь вдохнула смесь из бело-зелёного ингалятора.

– Идите в процедурную капаться! – скомандовала появившаяся на пороге медсестра, и спор, грозивший перерасти в нешуточную склоку, сам собою затих, причём кашель и присвист на выдохе у оскандалившейся больной Ю. чудесным образом исчезли.

В мужских палатах появление нового высокопоставленного постояльца вызвало куда меньше не относящихся к теме эмоций и привнесло в общение скорее аналитический элемент.

– Ну, поступил вроде как проверять ихние беспорядки и принимать у врачей какой-то экзамен, а сам *здесь, в глуши*, лечится, – деловито произнёс невысокий, перенёсший инфаркт миокарда крепыш.

– Да, взялись за него, кажись, серьёзно. Слышали вчера его крик из манипуляционной? Сёстры промеж собой говорили, что это ему грудь без наркоза кололи на какой-то анализ, – согласно покивал головой сосед справа, вынимая градусник из подмышки и настраиваясь на укол антибиотика по поводу пневмонии.

– Пункция грудины, – читал по смартфону молодой, выздоравливающий от пиелонефрита парень, – делается для исключения лейкозов и дифференцировки различных видов анемий. Выходит, хреновые у него дела. Чего тут проверять, если неизвестно, выйдешь ли отсюда живым или вперёд ногами?

– Потому и проверяют, что неизвестно. Нам-то что, их вон как лечат, не то что нас. И заведующий отделением бегаёт, вокруг его палаты круги нарезает, и администрация. И все анализы как быстро-то сделали, шланги в первый же день сунули куда надо и результаты вынули. Все выслушиваются, кверху задом стоят и боятся, что с ними будет, если вдруг не вылечат. Это нас можно «чехлить» по дюжине в неделю – отпишутся враз, дело привычное, а этих... Им же медицину модернизировать дальше надо по самое никуда, – проворчал четвёртый больной, о котором известно было только, что третьего дня он был переведён из реанимации, счастливо избежав «чехления», и при этом никто не знал, чем же он болен. – Пока обследуешься, крыша сдвинется. К терапевту по талону ждал приёма двенадцать дней, потом месяц ждал ФГС да ещё десять дней принятая у терапевта, чтобы показать результат, итого *пятьдесят два дня!* За это время дома чуть лапы не склеил. В старые времена принялся бы в поликлинике в тот же день, и положили бы в больницу через день, максимум два. Это пока такие вот реформаторы, – он показал на палату высокого гостя, – не распилили медицину на бабло и не положили на нас осиновым колом!

– Правильно, дядя Вася, – откликнулся на патетическое ворчание неизвестного молодой со смартфоном. – Бабла вложили вроде как в медицину, а попала оно большей частью под ихний же распил. Главная обязанность врачей теперь – соответствовать стандартам, сидеть приклеенными к компам да клепать отчёты по придуманным медосмотрам. Я вот ищу стандарт по бронхиту, – он потыкал пальцем сенсорную панель смартфона. – Нашёл! Ни хрена себе: согласно стандарту всем больным бронхитом надо прописать лекарства от никотиновой зависимости. Зачем они мне, если я не курю? А врач это мудаatreбование, получается, выполнить должен, иначе страховая компания оштрафует. И на диспансеризацию и всякие медосмотры народ загонять надо, чтобы по-быстрому вбить результаты в ихние компаы. А кто из нас не явится, тому эти медосмотры придумать и тоже вбить в какую-то программу, на которую они все плюются. Иначе зарплаты им понизят и начальники бабло не освоят. Вот уже врачи с медсёстрами работать начали за просто так по субботам. И уже бегут отсюда как крысы до Москвы, до 150 тысяч рублей в месяц и только за приём в поликлинике. Бедненькие! Бабки-то они тоже ой как любят, не смотри, что медработники. Любят не хуже их начальников! Но нам-то что? Их проблемы! Раз пошли в медицину, так пусть выкручиваются и нас лечат любой ценой! А нет, стучать будем, куда надо!

– Слушай, Серый, – обратился к будущему стукачу пострадавший от инфаркта крепыш, – ты давеча говорил, что поменял за три года пять мест работы и опять уволился. Чего ты бегаешь, чего хочешь? Разве не бабла побольше, а работать чтоб поменьше? Нет? Ага, киваешь, согласен, стало быть. Теперь представь, что тебе, любящему бабки... чего-то не так? Оно, конечно, объяснение по-благородней, зачем нужны деньги, каждый сам себе и придумает, и обоснует, что не подкопаешься. Тоже согласен? Молодец! Так теперь представь, что подфартило тебе. Сел ты в кресло чиновничье, высокое, просторное да для зада тёплое. И открылись перед тобой возможности осваивать без опаски. И крыша у тебя есть где-нибудь в правительстве. Так неужели бы ты таскал в семью только белое жалованье? Помнишь, как в одном известном тебе фильме крик во сне: «Чтоб ты жил на одну зарплату!» – заставил героя проснуться в ужасе и холодном поту? Ты не стал бы воровать, Серый? Что? Ещё как стал бы. И презирал бы бессребреников и подавлял конкурентов! Потому что тебя мучил бы благородный голод непрерывного вожделения новой жратвы. Так поступала во все времена большая часть людей, любивших власть, деньги и не способных к самоограничению. В этом и кроется главная причина скорой гибели человечества. Своруешь – сдохнешь! Что скажешь, Серый?

Судя по лицу Серого, в смартфоне контраргументов не нашлось, поэтому он насупился, выглянул в коридор и облегчённо провозгласил:

– В процедурную на уколы с капельницами зовут! – крикнул он и тем уклонился от проигранного спора.

IX

Весь воскресный день прошёл для великого модернизатора довольно скучно. В больнице работала только дежурная смена. Поначалу Свинцов наблюдал весьма занятную картину: к порогу приёмного покоя подъехала буханка-скорая, из которой сначала появилась округлая фигура фельдшера, затем из открывшейся двери высадился пьяный мужчина в замызганной куртке с полуоторванным капюшоном и с забинтованной рукой в сопровождении держащей его под здоровый локоток особы второй молодости. Её средней пропитости лицо выражало заботу с нотками лукавства. Интимным, с прокуренной хрипотцой голосом она нашёптывала пьяному какие-то ласковые слова о необходимости лечиться в больнице, которые тот перенаправлял фельдшеру:

– Чё привёз, домой хочу. Понял? На хрен мне эта больница не встала! Щас башку тебе оторву, придурок зачморённый, и на задницу тебе натяну, фуцин сраный! Я вам тут всем щас бошки поотрываю! – и дальше, обращаясь к шепчущей особе: – Я жить не буду с такой шалавой, как ты, сука! Лучше зарежусь или повешусь! Смотри сюда, я уже зарезался! – он задрал грязный рукав куртки, размотал бинт и сунул под нос подруге измазанное кровью предплечье.

Фельдшер с деланно равнодушным лицом молча вошёл в приёмный покой и, как бы не слыша продолжающегося в его адрес словесного поноса, изрыгаемого вонючим и на две трети беззубым ртом набухавшегося клиента-правообладателя, отдал сопроводительные документы дежурной медсестре. Устремив на неё наглые пороссячи глаза, клиент-правоматюгатель уже открыл было рот, чтобы продолжить своё красноречие, и развязно произнёс:

– У меня дядя работает в... ик... – но вдруг икнул и осёкся, так как подошла медсестра и сочувственно взглянула на него.

– Рука... Ты такой бледный!.. Голова сильнее кружится, когда *стоишь на ходу* или говоришь? – голос медсестры был негромким, сожалеющим, но уверенным и твёрдым. Фраза «*стоишь на ходу* или говоришь?», применённая к силе головокружения, вызвала внутреннюю неуверенность и замешательство. В тоне её голоса и серых глазах бузотёр прочёл такой, как ему казалось, искренний страх за его жизнь, что почувствовал начинающуюся видимую дрожь в пальцах. Куртку дал с себя снять беспрекословно. Санитарка по телефону вызвала хирурга.

– Кровь... пальцы дрожат... и я не знаю... голова кружится сильнее, когда смотришь на кровь или когда усиливается дрожь?.. И тебе плохо! – развивала успешную работу медсестра, глядя на два свежих линейных неглубоких поперечных пореза на предплечье, медленно сочившихся темной кровью. Клиент, повинувшись её взгляду, тоже посмотрел на своё предплечье.

– Плохо, – эхом отозвался он. Порезанная рука непроизвольно сползла с колена на кушетку. Пьяный бузотёр уже не мог отвести взгляда от раненой руки. И этим сразу воспользовалась медсестра:

– Рука упала... И слабость... нарастает... дрожь... от пальцев... по всему телу... значит, давление снижено... 120 на 70... у здоровых мужиков давление лучше... и сколько уже вытекло... на коже грязь... заражение крови может... и как спасти жизнь?.. Нужно срочно обработать и шить в перевязочной! Быстрее пошли, иначедохнешь!

Его под руки отвели на дрожащих ногах в перевязочную, и дальнейшая работа дежурного хирурга прошла успешно, при полной покорности и молчании бухого клиента.

Двое больных из терапевтического отделения, неторопливо прогуливавшихся на улице под окнами приёмного покоя и пронюхавших эту сцену, проводили долгим взглядом всех её участников. Через приоткрытое для выветривания клиентских запахов окно до их слуха донеслось всё, что происходило внутри. Затем старший и грузный больной, раздавив окурочок о столб и метко бросив его в урну, посмотрел на своего молодого напарника и, вздохнув, произнёс:

– Вот и думай, Серый, стоит ли получать медицинское образование, чтобы терпеть эту спившуюся мразь с мохнатой дядиной лапой? Ты бы в фельдшера пошёл?

– Я что, больной на голову? Я пошёл бы в медсёстры! – сострил Серый, длинно сплюнул и пошёл за напарником в отделение.

Великий реформатор попытался вникнуть в суть происходящего, понять, соответствует ли обслуживание клиента правилам «Оптимизатора», но не смог ответить себе ни в положительном, ни в отрицательном смысле. Тогда он устремил взор на спокойное и даже несколько сонное выражение лица распространяющей перегар личности, покорно кивающей в знак согласия явиться на перевязку к хирургу в поликлинику. Несостоявшийся симулянт-самоубийца кивал головой, пряча два героически нанесённых самому себе и обработанных хирургом мелких пореза. «Здесь всё нормально, – решил Свинцов. – Бывают же такие ничёмные личности! Две царапины, и это всё, на что он оказался способным! Слабак!»

Вениамин Николаевич потерял к пьяному клиенту всякий интерес и решил перенести своё внимание на работу дежурного терапевта. Некоторое время наблюдал за его деяниями и сделал весьма раздражившее его открытие. Несмотря на все старания ОМРа и контролирувавшего его Свинцова, навязанная сверху программа «Недомед» работала крайне медленно. На секундомер великого реформатора внимания не обращала. При попытке набирать текст даже со средней скоростью откровенно печатала половину первого слова и дальше тормозила, с непринуждённым изяществом выбрасывая сообщение о сохранении данных. Курсор при этом таинственно исчезал. Благодаря этому ОМР шлёпал по клавишам вхолостую, делая зверское лицо, матерился сквозь зубы, искал пропавший курсор и начинал сначала.

Тогда Свинцов не поверил своим глазам и, отодвинув ОМРа от клавиш: «Не умеете работать с компьютером, так не мешайте!» – попробовал набирать текст в «Недомеде» и в обычном «Ворде». «Ворд» набирал текст безукоризненно с любой скоростью. Затем он потребовал, чтобы ОМР диктовал ему историю болезни вновь поступающего больного, который, благодаря их совместной борьбе с «Недомедом», ждал госпитализации уже 45 минут. И Свинцов сделал второе прискорбное открытие. При любом щелчке мышью возникало вертящееся колесо ожидания, сопровождающееся разнообразными объявлениями вроде: «БД отсутствует, обратитесь к разработчикам» или «клиент не прошёл проверку двойников» и, наконец: «Пожалуйста, подождите, идёт загрузка формы». С внезапно появляющимися на чистом месте плюсиками, раскрывающимся контекстным меню он так и не свыкся. Наконец в ярости позвонил разработчикам и, подобно Юпитеру, метал в них громы и молнии. Они клятвенно заверили, что всё сделают никак не позже вторника, аккуратно как поступит оплата согласно договору. Наконец с историей болезни было покончено, и, получив назначения по лечению, клиент-правообладатель был отправлен в отделение после каких-нибудь полутора часов ожидания.

– Дальше продолжайте сами. Меня не беспокоить! – приказал он дежурному ОМРу и ушёл восвояси, благодаря чему пропустил поступление следующего клиента-правообладателя с почечной коликой и подозрением на наличие камня в мочеточнике. Оказание клиенту экстренной помощи и последующая отправка в областной центр согласно маршрутизации прошли мимо его всевидящего ока.

– Черт знает что! Что за дебилы придумали этот «Недомед»? Выходит, ОМРов макнули и заставили работать в известной пахучей субстанции. Ну, конечно, все мы знали, что программа спущена сырой, но не до такой же степени! – раздражённо бормотал он, открывая дверь процедурного кабинета, где молчаливые дежурные сёстры лихо делали инъекции и ставили всевозможные капельницы. Он посмотрел на рабочий процесс. Клиенты-правообладатели были довольны. Это он установил точно, глядя на выражения лиц капающих. Но ввиду незнания правил, санпина и специфики сестринской работы в дальнейших экспертных изысканиях не преуспел. Заглянул в холодильник, посмотрел на термометр, показывавший +6°C, глубокомысленно похмыкал, ибо не ведал, соответствует ли данная температура утверждён-

ным требованиям. Потом закрыл холодильник и досадно потопал обратно в палату. И весь оставшийся день выходил только на процедуры.

Телеящик крутил мыльные драмы из полных семейных проблем жизни российских бизнесменов средней руки. Сюжеты фильмов разнообразием не баловали. При жизни жена любила их смотреть, и Свинцову тоже перепало впечатлений, благо времени свободного было больше, чем теперь.

– Ну что это за сюжеты, такие и я написать смогу! – высказывал жене своё возмущение будущий реформатор. – В начале сериала, как правило, начинающие преуспевать сыновья-бизнесмены скоростно по залёту женятся. Их родители либо способствуют, либо всячески мешают браку в зависимости от наличия или отсутствия угрозы для бизнеса. Затем новобрачного или новобрачную кто-нибудь от семейного теремка отбивает. Особенно часто преуспевает бывшая любовница. Далее сцена с родителями с неизменной групповой истерией. Видимо, современные режиссёры считают истерику приёмом универсальным для удержания зрителя у экрана. Дальше по обыкновению следует пьянка главного героя на фоне сверкающего убранства зала собственного особняка, попытки брошенной жены любой ценой вернуть богатого да любимого, и у любовницы тоже кто-то да заводился на стороне. Это приводит к тому, что главный герой душой мечется, как буриданов осёл, между двумя, а то и тремя пассиями. Градус истерии фильма нарастает. И, наконец, через много лет попытки возвращения на круги своя... Чего на эту встречающуюся на каждом шагу банальную скучную пошлятину смотреть? – заканчивал аналитический разбор фильма Свинцов.

На других каналах демонстрировалась в огромном количестве бесконечная ментовская беготня с пистолетами. «Тоже бред!» – решил Свинцов и выключил телевизор. Включил радиоприёмник, но и он разочаровал, передавая нескончаемое чествование некой эстрадной знаменитости. Новое поколение артистов преподносило в её честь исполнение когда-то спетых ею самой песен. Великолепный слух и музыкальная память Свинцова выявили, что песни эти новое поколение безбожно испортило и темпом, и фразировкой, и дикцией. По окончании концерта приёмник начал испытывать терпение великого реформатора передачей, где ведущая и приглашённый эксперт в течение доброго часа настоятельно советовали купить и принимать некие чудодейственные капли от простатита, одновременно расхваливая препарат и запугивая грозными последствиями в случае отказа от его применения. Он переключился на другую волну и прослушал примерно таким же способом созданную рекламу корма для декоративных собачек. Наступившее затем чтение бесконечного романа Н. Лейкина «Наши за границей» отдавало, по мнению Свинцова, некоторой занудностью автора, а последующая трансляция футбольного матча, в очередной раз проигранного нашими, вынудила его выключить приёмник. «Не буду хаять наш футбол, он и так охаянный», – выплыли из прошлого слова школьного учителя астрономии, и Свинцов выключил свет и проспал сном праведника до утра.

Рано утром задремезжала государственным гимном мобила. Высокопоставленный реформатор взял трубку, но спросонья начало разговора провёл на автопилоте.

– ...нет, спасибо, не нужно, всё в порядке. Вылечат, куда денутся! Уже чувствую себя лучше! Нет, этого не надо... Да... Спасибо. До свидания, – резиновым, с хрипотцой голосом попрощался Свинцов с разбудившим его представителем высоких сфер. Раздался осторожный стук в дверь, и в палату вплыла менеджер сестринского дела.

– Я не разбудила? Как ваше самочувствие? Подать вам завтрак в палату? – она спросила с такой очаровательной и интригующей улыбкой, как будто предлагала не больничную манную кашу с круто сваренным яйцом да чаем, а гастрономические шедевры из продвинутого ресторана.

– Да, спасибо, организуй! Раз я в больнице, то и питаться должен соответственно, – важно ответил творец модернизации. Затем, когда за менеджером закрылась дверь, он встал и с чувством навёл утренний марафет. Стал обмозговывать сегодняшний план мероприятий.

В этот момент в палате снова появилась давешняя медсестра-менеджер и, будто по подиуму, прошествовала к столу, неся поднос с завтраком, затем, изящно изогнувшись нижней частью тела, насколько позволяла вторая степень ожирения, поставила поднос на стол, присовокупив вазочку с салфетками. Халат на ней вроде был тот же, но как будто покороче.

– Приятного аппетита! Если я нужна, обращайтесь по любому поводу! Я сделаю для вас абсолютно *всё!* – улыбнувшись ещё обворожительнее и загадочно подёрнув наращенными ресницами, прикрыла за собой дверь.

– Вот и ублажай теперь этого маринованного индюка-переспелка, он и так, видно, не мужик уже лет десять! Небось, с женой только и мог! Спасибо тебе за поручение, главО-МРушка, – тихо и ядовито пробормотала она, выйдя из палаты. – Тоже старый, ни на что не годный стал, а ведь раньше меня к таким классным орлам на разведку направлял, закачаешься!

«Это что за модель мягкого асфальтоукладчика? – провозжая до двери менеджера сестринского дела брезгливым взглядом, подумал Свинцов. – Что за волны колыхались под медицинским подолом? А то, что выше сквозь халат просвечивает, требует, как в „Ну, погоди!“ трёх лифчиков, не меньше. И тушь марки „Мой папа трубочист“. Они что, думают, кого попало отправят меня ублажать, а я не побрезгую? Что, во всей больнице не нашлось высокой длинноногой и со всем набором? Придурки! Прошёл вчера по всему корпусу – ни одной приличной не встретил. Ну да ладно. Надо обдумать, где я ещё не был, кого не посетил? Как там дела у лечащих ОМРов в отделении? Сделаю два в одном: и примусь у врача, как на обходе, и заодно проверю, как осваивают „Оптимизатор“», – он неторопливо поднялся из-за стола, бросил скатанную в шарик использованную салфетку в тарелку и направился в ординаторскую.

Х

В ординаторской, благо утренний обход уже давно закончился, находились три ОМРа. Лечащий непосредственно высокопоставленного клиента-правообладателя заведующий отделением располагался за столом и стучал по клавишам. Он, строго соблюдая закон о медицинской тайне, вносил в «Недомед» некую информацию о состоянии очередного больного и одновременно поглядывал на экран телевизора, где уже шли очередные бесполезные теледебаты на тему: «Смогут ли беседы главного гинеколога вкупе с главами администраций помочь беременным отказаться от аборта, дабы улучшить статистическую отчётность по рождаемости в масштабах страны?». Было видно, что делать несколько дел одновременно он умел в совершенстве. Заведующий был спокоен и нетороплив, лишь когда «Недомед» выбрасывал колесо ожидания, отпускал критические реплики в телевизор по адресу выступающих либо вставлял замечания в дискуссию, происходившую между двумя другими ОМРа и касающуюся оценки эффективности лечения проблемного больного с пневмонией и дальнейшей тактики ведения. В этот момент дверь ординаторской открылась и выпустила великого реформатора.

– Ну, что подельваете, господа эскулапы? Видите, «ОМРами» вас не называю, ибо лечите вы меня. Не тяжело работать, особенно даме? – он заигрывающе посмотрел на докторшу. Справедливости ради надо заметить, что Вениамин Николаевич принял решение не называть врачей отделения «ОМРами» не без внутренней борьбы. Он отдавал себе отчёт, что от них существенно зависит успех лечения, претензий к качеству их работы не было, и поэтому надо называть их врачами. Но слово «врач» вставало комом в горле, порождая воспоминания о жене. А в голове всё же временами шевелилась подлая мыслишка, что все врачи того же поля ягоды, что и злосчастный стоматолог. Нужно было какое-нибудь компромиссное название, и, порывшись в памяти, Свинцов его нашёл – решил пока называть врачей эскулапами.

– Спасибо, не тяжело, всех лечим по стандартам, – доброжелательно ответила докторша.

– Спасибо, нормально! Стараемся! – отозвался лечащий реформатора завотделением. – Проводим совещание по поводу проблемного больного, – он кивнул в сторону двух других докторов, рассматривающих рентгеновские снимки в негатоскопе. – Ваше-то как самочувствие? Слабость и утомляемость поменьше? Тяжести в правом или левом подреберьях нет? – нарботанно участливым тоном спросил заведующий.

– Начал было хорошо, по «Оптимизатору», спросил про основную жалобу и два составляющих её компонента. А дальше зачем про тяжесть в подреберьях? Ведь этой жалобы при начале заболевания не было, – менторским тоном спросил Свинцов. – Рассуждайте логически. Вот поступил, бог с вами, назову по-старому, больной. У него были какие-то жалобы. Вы ему по стандартам назначили лечение. Лечение по стандартам истинно и эффективно, потому что оно верно! Так или нет, я вас спрашиваю?

– Так, – отозвался лечащий эскулап, кивнул головой и мысленно состроил в кармане фигу: «Высочка-юрист! Думает, он гений, сам ни черта в медицине не шарит, а лезет. Пусть говорит что хочет, любую тавтологию, всё равно, лишь бы побыстрее отвалил!»

– А раз лечение верно, то составляющие жалобу компоненты будут постепенно уменьшаться. Я что-то заумное говорю? Человеку станет лучше. Как же смогут появиться другие жалобы в рамках данного рассматриваемого заболевания? – строго поинтересовался Свинцов.

– Если в заданных вами контекстных рамках, то не могут, – рассудительно ответил третий эскулап, разглядывая замысловатые тени рентгеновского снимка.

– Поясни, что хотел сказать, – подозрительно прищурился Свинцов. – Ты что-то имеешь против «Оптимизатора»?

– Ну что вы, как можно. Интенсификация и ускорение врачебного мышления необходимы, потому что экономически выгодны! – верноподданным тоном продолжал третий эску-

лап, выключил негатоскоп и пояснил: – Как вы верно сказали, и мы согласились, в рамках рассматриваемого случая стандартизированного эффективного лечения, когда человеку стало лучше, другие жалобы появиться никак не могут.

– Никак? – спросил творец «Оптимизатора», немного озадаченный новой речевой конструкцией, где львиная доля слов были его собственными, только что произнесёнными. Он потянулся рукой почесать тыковку.

– Совершенно верно, никак! – уверенным эхом отозвался эскулап, пытаясь расписать непишущую ручку и внимательно следя из-за полуопущенных век за Свинцовым. Затем, медленно понижая громкость голоса, закончил: – Они могут стихать и постепенно уменьшаться вплоть до полного исчезновения!

– А если, скажем, на обходе больной предъявил жалобу, которой раньше не было, что тогда? – после некоторой паузы уже раскованнее и доброжелательнее спросил Свинцов.

– Тогда мы начнём работу с этой жалобой согласно первому разделу «Оптимизатора», – с готовностью ответила докторша.

– Молодцы! Вы, похоже, освоили новый материал! – похвалил собравшихся изобретатель «Оптимизатора». – Кстати, а как вы будете оценивать эффективность лечения?

– По субъективной балльной и объективной процентной шкалам, – не моргнув глазом ответил лечащий Свинцова заведующий.

– Поподробнее, пожалуйста, – впервые со дня появления в больнице из уст Свинцова сорвалось «волшебное слово».

– По субъективной шкале мы просим больного оценить остаточную выраженность компонентов жалобы, беря за основу 10 баллов как исходную величину.

– А по объективной? – подзадоривал Свинцов, глядя на третьего эскулапа. Ответ не заставил долго ждать.

– По объективной процентной шкале мы сами оцениваем, в процентах от исходных, изменения объективных данных по вектору, обращённому к нормальным показателям. Вот как это представлено на рисунке №14 «Оптимизатора». Затем вводим данные обеих шкал и в раскрывающемся поле получаем гармонизирующую сумму. Например, при остаточной выраженности компонентов жалобы «ноль» и не менее 95% изменений по объективной шкале гармонизирующей суммой, то есть исходом заболевания по-старому, будет выздоровление. Клиента-правообладателя, достигшего таких показателей, просят поблагодарить себя улыбкой за достигнутый уровень гармонии. А при...

– Всё-всё, достаточно! Bravo, справились! – просветлённый взор придавал лицу Вениамина Николаевича иконописный оттенок. – Обратите внимание, в «Оптимизаторе» после обсуждения с психологами введено понятие *гармонизирующей суммы*. Это чтобы пролечился человек и пребывал в гармонии выздоровления или улучшения. Даже в самом неблагоприятном исходе есть своя гармония, пусть трагичная. Понятию «пребывание в гармонии» соответствует «улыбка судьбы». Когда вы, достигнув гармонии выздоровления, представляете себе, будто находитесь на прекрасном берегу моря, то голубые волны, синева неба, лучи солнца, согревающая теплота устлавших берег камешков, звуки плещущихся волн, крики чаек, шум освежающего ветра вместе и есть «Улыбка судьбы». То есть состояние достигнутой гармонии, описанной через функции репрезентативных систем. «Улыбка судьбы», по мнению психологов, необходима для лучшего закрепления положительных изменений в бессознательном клиента. Да, у судьбы есть много гармоний или улыбок! Их надо только постичь, прочувствовать, услышать!

Он с минуту помолчал в задумчивости, затем продолжил.

– Да-да, услышать... Знаете, в первый вечер моего пребывания по радио передавали квартет струнных инструментов си минор из цикла «Русских квартетов». Вот, скажу я вам, гармония такая светлая и ненавязчивая. Автора, правда, не назвали, я не сначала включил

приёмник. Вы не слышали этой передачи? Исполнял «Веллер-квартет». Веллер – не тот, что всё охаивает, а другой, он играет первую скрипку в этом квартете. Завтра вечером будет продолжение передачи, и исполнят другой квартет.

– Тут и без передачи всё ясно, – безапелляционно заявил третий эскулап. – Кроме Йозефа Гайдна цикл «Русские квартеты», насколько мне известно, больше ни у кого из композиторов не встречается.

– Мне это имя неизвестно, – несколько раздражённо сказал Свинцов. – Кто это?

– Знаменитый композитор, подлинный музыкальный *реформатор*. Моцарт писал в письмах, что именно у Гайдна он научился писать струнные квартеты. Кроме того, он создал симфонию как жанр в современном понимании. Невероятно, но факт, что многие считали его своим спасителем. Известен такой случай. Однажды, во время гастролей в Лондоне, газеты написали, что Гайдн якобы умер. Но люди всё равно пошли на премьеру очередной симфонии. И были потрясены, увидев выходящего на сцену совершенно живого Гайдна. Они вскочили с мест и ринулись к сцене, чтобы убедиться, что это не обман зрения. В этот момент огромная люстра оторвалась и упала в партер. Но так как все были у сцены, партер был пуст, и поэтому никто не пострадал. Вроде реформатор-то от музыки, а людей уберёт, спас, выходит. Поэтому симфонию, исполнявшуюся в этот день, слушатели называли «Чудо».

– Не забывают, моя реформа тоже для спасения людей! – больной реформатор испытывал странную смешанность чувств. – Кстати, мне ваше лицо знакомо. Это вы ещё в первый день, не дав себе труда освоить толком «Оптимизатор», доставали меня лишними, не входящими в утверждённый перечень мыслями? Про цвет ампул, которыми я кололся до поступления в эту больницу?

– Да, это был я, – скромно согласился третий эскулап.

– Вот и запомните, никаких, слышите, никаких лишних, *неутверждённых* вопросов. Все вопросы придуманы и продуманы до вас! – отчеканил Свинцов. – Вам надлежит навсегда выкинуть этот дурацкий вопрос из головы. Ясно?

– Всё сделаю как скажете, – смиренно ответил эскулап и, окинув Свинцова как бы сожалением взглядом, вновь сосредоточил своё внимание на изучении остальной документации того самого больного, обсуждение которого было так некстати прервано появлением реформатора. Потом вновь обратился к Свинцову: – Простите, что прерываю ваши размышления, но я не вполне понял, как и за что клиент-правообладатель будет благодарить себя улыбкой, если ему лучше не стало и он пребывает в «*трагической гармонии*»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.